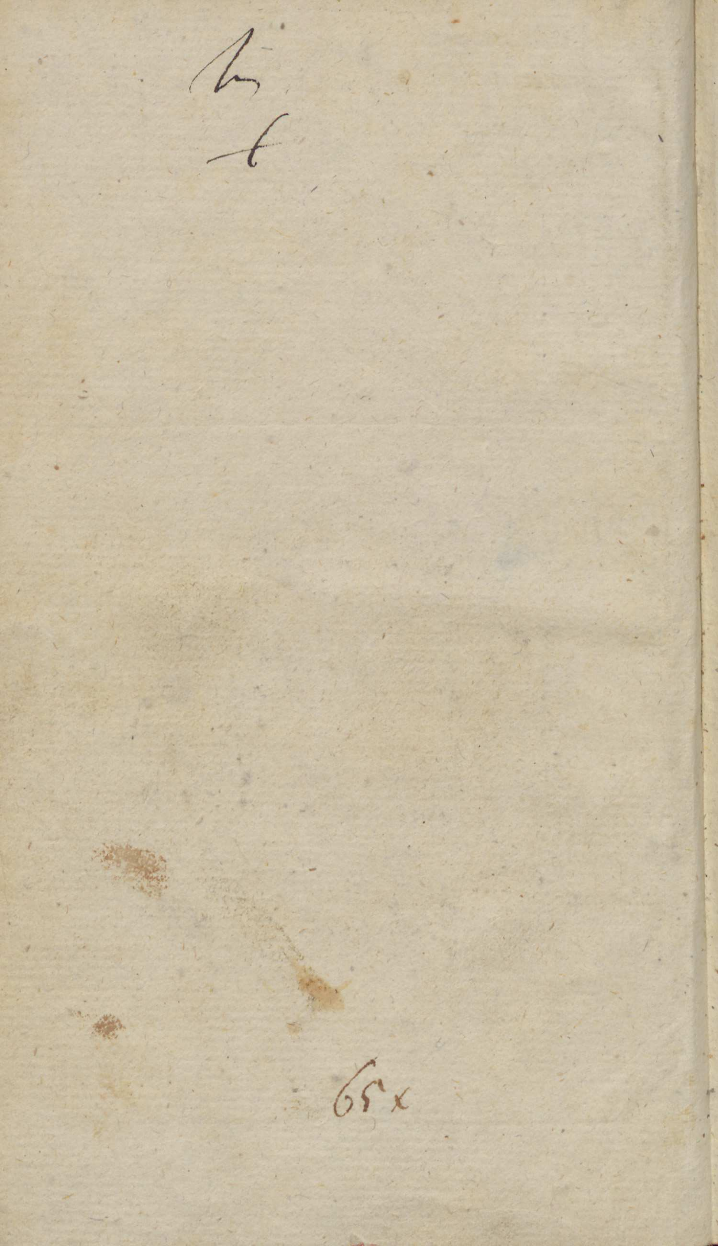

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 226.
ПОЛКА 3.
№ 33.

65x

РОЗАЛІЯ
ДОСТОПАМЯТНАЯ НОВОСТЬ
ИЗЪ
СОЧИНЕНІЙ Г. АРНОЛЬДА.

Переведена
съ
ФРАНЦУСКАГО ЯЗЫКА
МОИСЕЕМЪ СМИРНОВЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
1781 ГОДА.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ

СТРОГОНОВУ,

Господину Тайному Совѣтнику, Сенатору, и орденовъ Бѣлаго Орла, св. Станислава и св. Анны Кавалеру,

Милостивому государю.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ

Милостивый государь!

Я осмѣливаюсь посвятить вашему Сіятельству сей слабый опытъ моихъ посильныхъ трудовъ. Не отрекитесь, Милостивый Государь, принять такого приношенія, которое, сколь ни малоцѣнно есть, служитъ однакожъ неложнымъ свидѣтельствомъ моего къ вамъ почтенія и преданности. Мое сердце, согрѣтое ласками и благосклонностію вашего Сіятельства, давно уже горитъ нетерпеливостію изъявить предъ вами чувствованія свои; и вотъ одинъ случай, которой оно избрало къ тому. Ваше доброе сердце, сія безпритворность откровенныя и нелицемѣрныя души, сія благотворительная склонность, коея опытами толь многіе похваляются и наконецъ моя собственная чувствительность

и

и искренность могутъ служить для васъ достовѣрнымъ залогомъ сихъ чувствїй глубокаго почтенїя и преданности, съ коими я къ вамъ всегда имѣю честь быть.

Сїятельнѣйшїй Графъ

милостивый государь,

Вашего Сїятельства

покорнѣйшїй и преданнѣйшїй слуга

Моисей Смирновъ.

РОЗАЛІЯ,

ДОСТОПАМЯТНАЯ НОВОСТЬ.

Розалія произошла не изъ знатной, но честной купеческой фамиліи. Родитель ея, будучи жертвою порочной совѣсти людей и зловреднаго банкрутства, лишился всѣхъ плодовъ честнаго своего промысла, и не оставалось къ утѣшенію его по толикой утратѣ ничего, кромѣ одной дочери, которая въ пятнатцатилѣтнемъ уже возрастѣ своемъ столько являла разума и мудрости, сколько имѣла красоты. *Домерваль*, такъ назывался ея родитель, посвятилъ остатокъ своего имѣнія на воспитаніе своей любезной дочери; она отирала его слезы и была ему

 вмѣсто

вмѣсто всего богатства, о которомъ онъ естьли сожалѣлъ, то единственно только для ея одной. *Розалїя* присовокупляла ко внѣшнимъ своимъ прїятностямъ непомѣрную чувствительность, свойство неоцѣненное безспорно, и могущее служить цѣною и испытанїемъ душъ, но которое однакожъ не столько может быть выгодно, сколь предосудительно есть въ особахъ ея наипаче пола, которой по своему мягкосердїю и откровенности удобно подвергается всякимъ искушенїямъ. И дѣйствительно, колико изъ нихъ по чувствительности и нѣжности своего сердца впало въ погрѣшности и нещастїя, отъ коихъ имъ никакъ предостеречься было не возможно! Поздныя ихъ раскаянїя не принесли имъ послѣ ничего другаго, кромѣ безплоднаго сокрушенїя видѣть всю важность своего заблужденїя, и не имѣть уже способовъ къ исправленїю своему. Ибо, пустившись единожды въ сей нещастный путь, которой изъ одной погрѣшности приводитъ насъ въ другую, не только съ трудомъ обращаемся мы на истинную стезю, но иногда и совсѣмъ теряемся

ся во ономъ. Сколько нещастныхъ жертвъ сего ужаснѣйшаго опыта, кои внявъ сїю повѣсть, съ воздыханїемъ признаются, что одна обманчивость ихъ чувствованїя была причиною ихъ погибели! *Розалїя* тому есть жалостной примѣръ; она повергласъ безъ опасенїя живости мало надежной; все ее трогало, все привлекало, все возбуждало въ ней нѣжное движенїе и слезы извлекало и казалось предуготовляло ея душу къ порабощенїю страсти, господствующей и опаснѣйшей.

Смерть похитила у нея виновниковъ ея жизни въ то самое время, когда наиболыше были ей нужны ихъ совѣты и подпора. Одна лишъ неусыпная родительская горячность занимается попеченїями, предосторожностьми и трудами, коихъ требуетъ благоразумное воспитанїе: всякое же прочее надзиранїе ненадежно, и подвержено послабленїю и упущенїю. Молодая особа, оставшись сиротою и безъимущною, пала во власть одной престарѣлой своей тетки, которая имѣла довольной достатокъ, и которой за нужное

почитаю изобразить здѣсь нѣкоторые черты.

Дѣвица *Мезиракъ* была изъ числа сихъ бережливыхъ и скудныхъ душъ, кои почитаютъ свое скудоумїе за любовь къ добродѣтели, а угрюмой свой нравъ за ненависть къ порокамъ. Слабой ея разсудокъ не въ силахъ былъ внушить ей другаго выбора, кромѣ худо уразумѣнной набожности. Для нея довольно казалось, ежели исполнить съ точностїю всѣ законные обряды, а впрочемъ ей и нужды не было углубляться въ мудрыя начала и познанїе удивительнаго основанїя вѣры христїанской, отъ коей произтекаютъ всѣ высочайшїя добродѣтели, и особливо сїе снизхожденїе на слабости людей, толико достойное божескаго нравоученїя, которое побуждаетъ насъ благотворительно покрывать ближнихъ пороки завѣсою нашего сожалѣнїя и ополчатся противу собственныхъ безо всякаго послабленїя; она гордилась тѣмъ, что угасшїя уже въ ней страсти не возраждали сладостныхъ желанїй, толь сильно обладающихъ человѣческими сердцами. Безчувственная *Мезиракъ* не любивши никого въ

жизни

жизни своей радовалась внутренно, что не могла укорить себя никакою слабостїю и что съ толикимъ раченїемъ удалила все, что могло побудить ее къ замужству, почитаемому ею за нѣчто грубое и земное. Она почитала дѣвство первѣйшею добродѣтелью и потому низвергала въ Геенну всѣхъ тѣхъ, кои имѣли слабость нарушить оное. Къ симъ добродѣтелямъ своимъ присовокупляла она еще и ту, что никогда не прощала тѣмъ, коихъ почитала она нанесшими ей обиду, но изрыгала на нихъ всю ядовитость своего злорѣчїя; ея скупость была равна ея жестокости.

Таковая наставница примѣромъ и разсужденїями своими долженствовала бы, кажется привести *Розалїю* въ безопасность отъ заблужденїя пагубной и господствующей въ ней чувствительности; но молодая особа не внимала ни чему, кромѣ своего сердца, которое было уже побѣжденно и клонилось къ здачѣ; сїя праздная нѣжность, которая до днесь не имѣла еще никакого предмѣта, обратилась скоро въ жесточайшую любовь.

Дѣвица *Мезиракъ* по неосторожности своей важивала многократно свою племянницу къ вдовѣ одного зажиточнаго купца, коея свойства, хотя столько же были ядовиты и желчїю растворены, какъ и ея собственныя, но которая однакожъ несмотря на хулу и отвращенїе свое ко всему свѣту, собирала къ себѣ многолюдныя общества. Не должно далѣе искать источниковъ стремительнаго разврата толикаго числа молодыхъ людей. Сїи опасныя собранїя служатъ обыкновенно ихъ преткновенїемъ и пагубою. Изъ числа тѣхъ, кои учащали въ домъ сей госпожи, *Розалїя* предпочитала всѣмъ *Монталмана*, которой былъ почти одного съ нею возраста, и прїѣзжалъ всякой разъ съ своею матерью, которая весьма не рѣдко посѣщала вдову. Сей молодой человѣкъ не меньшую и съ своей стороны ощущалъ склонность, къ дѣвицѣ *Домерваль*: но будучи робокъ, не смѣлъ ей открыться въ томъ и довольствовался только тѣмъ, что взирая на нее воздыхалъ. *Розалїя* напротивъ того имѣла предъ нимъ то преимущество, что лучше его умѣла притворяться;

ряться; а можно съ вѣроятностїю подумать и то, что она уже примѣтила свою побѣду; ибо рѣдко что скрывается отъ проницательности женскихъ глазъ, наипаче когда ихъ самолюбїе или нѣжное чувствованїе въ томъ соучаствуютъ. Впрочемъ *Монталманъ* соединялъ въ себѣ все то, что дѣлаетъ молодова человѣка прїятнымъ; онъ тѣмъ былъ опаснѣе, что уже любилъ; ибо сїя наружная въ немъ застѣнчивость соединенная съ прїятностьми, болѣе еще усугубляла власть прелестей его.

Монталманъ, желая нетерпѣливо изъяснить свою горячность тому предмѣту, которой оную возродилъ, всячески искалъ способовъ къ тому, и случай ему доставилъ одинъ, коимъ онъ не преминулъ воспользоваться. Будучи одинъ разъ съ своею матерью у сей вдовы, гдѣ и дѣвица *Мезиракъ* съ своею племянницею такъ же находились, узналъ онъ не вѣдаю какимъ то способомъ, что сїя послѣдняя любила чтенїе; они отдѣлились какъ то на время отъ прочей бесѣды; *Монталманъ* окинувши вокругъ себя глаза, и примѣтя, что никово не было, вынулъ тотчасъ изъ

кармана книжку и подавая ее съ такою же осторожностїю дѣвицѣ *Домерваль*, сказалъ трепещущимъ голосомъ: Надобно ..... надобно сударыня, чтобъ вы при сихъ трогающихъ чертахъ, возбуждающихъ въ другихъ столько чувствїй, любили читать такїя сочиненїя, гдѣ изображается человѣческое сердце; вотъ одинъ истолкователь онаго; я увѣренъ, что въ библїотекѣ вашей тетушки его не находится ..... въ прочемъ не опасайтесь ничего, ваша добродѣтель ни чѣмъ не оскорбится; неужели запрещаетъ она вамъ узнать .... При семъ словѣ *Монталманъ* умолкъ; онъ былъ въ смятенїи, и трепеталъ, а *Розалїя* краснѣла; она охотно бы хотѣла отринуть сей даръ, бывъ не неизвѣстна, что ей предписывалъ долгъ ея: но слабость ей измѣнила; она не въ силахъ была отвергнуть того, что *Монталманъ* ей подносилъ; нѣкое не произвольное движенїе овладѣло ея чувствами и сїя неосторожность ею учиненная, была, такъ сказать, первымъ шагомъ къ ея погибели.

Прїѣхавъ домой дѣвица *Домерваль* горѣла нетерпѣливостїю удовольствовать

ствовать свое любопытство; она открывши книгу усмотрела, что то был обаяющій *Расинъ*, а пробегая его, примѣтила, что нѣкоторыя страницы были отмѣчены; она стала разсматривать ихъ жадными глазами, и нашла объявленіе любви *Ипполита*, которое почесть можно найпрекраснѣйшимъ образцемъ нѣжности Французской. Сердцу не нужно имѣть много испытанности къ открытію своему; оно устремляется на все, что его плѣняетъ и *Розалїи* не трудно было понять, къ кому долженствовало относиться сіе обращенное объявленіе любви; она поглощала съ жадностію сію отраву и тотчасъ заступила мѣсто *Арисїи*. Сей остроумный способъ изъяснять свою нѣжность, (ибо она не сомнѣвалась, чтобъ она не была любима) придавалъ новую прелесть искушенію и она нечувствительно пріобыкала къ такой мысли, которая льстила ея суетности. Ея тогдашнее состояніе было весьма возмутительно тѣмъ паче, что она уже любила. Ибо надлежало ли ей притвориться, что она не примѣтила сихъ толико явныхъ знаковъ любви къ ней?

но никто не повѣритъ толь неумѣстному притворству; или оказать ей свое негодованіе? но можно ли оскорбить такъ человѣка, которой уже былъ сердцу ея съ лишкомъ любезенъ? Сіе противоборство ея мыслей воздвигло въ душѣ ея самую беспокойнѣйшую брань.

Наконецъ она рѣшилась увидѣть *Монталмана*, которой ее съ живостію спросилъ, читала ли она ту книгу, которую отъ него получила. Она ни слова ему на то не отвѣтствовала, но возвративши ему книгу, оставила его съ довольною суровостію. Юноша пришелъ отъ того въ отчаяніе; онъ страшился быть противнымъ своей обладательницѣ (ибо онъ уже въ сердцѣ своемъ нарекъ симъ именемъ *Розалію*); винилъ излишество своей любви, и осуждалъ свое дерзновеніе. Несмысленный, говорилъ онъ самъ себѣ, надлежало ли тебѣ вѣрить горячности съ лишкомъ ослѣпленной? Я раздражилъ теперь все то, что ни любилъ; какимъ образомъ предстану я глазамъ обожаемой *Розаліи*? все теперь погибло; я предварилъ часъ моей напасти невозвратной; для чего я не ожидалъ къ открытію

тїю удобнѣйшей минуты, которая не возвратится уже во вѣки? Не должно ли было мнѣ стараніемъ и терпѣніемъ, которое показало бы время, заслужить, по крайней мѣрѣ прощеніе въ дерзновенномъ проступкѣ, которой мнѣ исправить уже не возможно?

Монталманъ, бросивъ, съ гнѣвомъ отъ себя книгу, примѣтилъ, что закладка его была вынута и вставлена на мѣсто оной другая; глаза его и душа тотчасъ устремляются на замѣченное мѣсто и останавливаются на семъ стихѣ Арисіи къ *Ипполиту*: „Я всѣ дары твои пріемлю съ восхищеніемъ„ слабая *Розалія* будучи побѣждена склонностїю, которой не должнобъ было ей внимать и преступивши предписанныя предѣлы, хотя и могла бы по крайней мѣрѣ молчать, но она хотѣла такъ же блеснуть своимъ разумомъ, или лучше сказать предаться движеніямъ чувствованій, кои стремились открыться; и такъ улучивши случай употребила ту же самую хитрость и объявила молодому человѣку то, что бы ей надлежало скрывать и отъ себя самой. Такимъ образомъ сдѣлавшись жертвою чрезмѣрной нѣжности сво-

его сердца, предалась она обуреванію страсти, которая почти всегда наноситъ намъ печали, а не рѣдко и напасти неизбѣжныя.

Съ какимъ радостнымъ восторгомъ *Монталманъ* принялъ сей знакъ соотвѣтствія, которое *Розалія*, казалось, учинила на его объявленіе; онъ не могъ ни какъ удержаться, чтобъ не написать къ ней слѣдующаго письма:

„Не обманываюсь ли я, божественная *Розалія*? или одинъ только случай польстить мнѣ хотѣлъ? Ахъ! „оставте меня въ моемъ заблужденіи и не выводите меня изъ онаго; „оно составляетъ верхъ моего блаженства. Нѣтъ, я не сомнѣваюсь „о томъ; прекрасная *Арисія* дозволяетъ, чтобъ новый *Ипполитъ* „у ногъ ея принесъ свои обѣты, „свои восхищенія и свое сердце. „Сколь *Рассинъ* ни нѣженъ, сударыня, „но со всѣми своими талантами, „далекъ еще отъ моего сердца! Онъ „не могъ бы никогда, нѣтъ, никогда „не могъ бы изобразить того, что „мое сердце къ вамъ ощущаетъ; я „бы усугубилъ любовь сына *Тезеева*. „Правда, что когда піитъ вообра-

„жалъ роль любовника *Арисїи*, то „онъ не имѣлъ васъ передъ своими „глазами; а я вседневно на васъ взирая въ тайнѣ повторяю, что васъ „люблю, васъ обожаю, и пожертвовалъ бы моею жизнїю, чтобъ быть „достойнымъ вашего воззрѣнїя. Мое „щастїе, моя рука и тысяща сердецъ, „естьлибъ я имѣлъ оные, былибъ „принесены въ даръ тому единственному предмѣту, опричь котораго „ничто до днесь не могло меня тронуть. Я походилъ во всемъ на безчувственнаго *Ипполита*, но нынѣ „люблю несравненно больше, нежели онъ. Теперь остается мнѣ „пасть къ ногамъ вашимъ, обнажить „предъ вами то сердце, въ которомъ „вашъ образъ обитаетъ, и чтобъ вы „знали, до какой вы степени любимы. Надѣйся всего, обожаемая *Розалїя*, отъ моей вѣрности и нѣжности, которая ни съ чѣмъ не сравненна и когда я буду имѣть щастїе васъ видѣть, не измѣни „симъ стихамъ, кои безъ сомнѣнїя „приняты съ восторгомъ, но повтори ихъ стократно передо мною. Я „уже сказалъ, что я предаю вамъ „мои сокровища, мою душу, и пре-

„лагаю вамъ мою руку. Ахъ! по-
„что я не могу повергнуть къ но-
„гамъ вашимъ владычества цѣлаго
„свѣта! Нѣтъ выраженій, коибъ мо-
„гли изобразить мою любовь, одно
„лишъ время докажетъ вамъ, что я
„могу служить образцемъ въ любви,
„такъ какъ вы въ пріятностяхъ, кра-
„сотѣ и прелестяхъ. Удостойте,
„прошу васъ вторично, представить
„предо мною *Арисїю*, чтобъ мое бла-
„гополучїе было не тщетная мечта.

Сїе писмо, неоспоримо было пер-
вый ударъ, поразившїй добродѣтель
Розалїи. Ибо можно ли было моло-
дой дѣвицѣ безъ нарушенїя цѣло-
мудрїя своего отважиться принять
письмо, по одному виду своему тре-
бующее всякїя предосторожности?
Съ сего времени потекла она къ по-
гибели скорыми шагами, такъ что
и отступить ей было уже не возмо-
жно; всѣ предѣлы стали испровер-
жены, и паденїе было ей назначено.
Тутъ то нещастная *Розалїя* начала
чувствовать всю тяжесть своего бре-
мени, которымъ тетка ее угнѣта-
ла; она винила ее въ тайнѣ, и ста-
ла помышлять о средствахъ, какимъ

бы образомъ ее обманывать. И въ самомъ дѣлѣ, *Розалія* стала имѣть нѣкоторымъ образомъ сердце и разумъ иной; любовь весьма въ хитростяхъ плодоносна; наши любовники не умедлили овладѣть неусыпностію своихъ родителей; они имѣли тайное свиданіе; каждый разъ *Монталманъ* становился любезнѣе и власть его отъ часу больше разпространялась; любовница его со всѣмъ была порабощенна; она ничего больше не слышала и ничего не видѣла, опричь своего искусителя и попустилась во всю чрезмѣрность сей опасной нѣжности, которая погубить ее долженствовала. *Монталманъ* расточалъ клятвы и обѣщанія самыя ослѣпительнѣйшія; онъ былъ одинъ токмо сынъ и любимый своею матерью и такъ хотя и была разность въ ихъ состояніи: но ему казалось не трудно испросить ее соизволеніе и *Розалія*, обольщенная обѣщаніями видѣла уже себя ведомую ко олтарю и увѣнчаваемую священнымъ вѣнцемъ *Гимена*. Будущее кажетъ всегда веселой видъ въ глазахъ любовниковъ; они не предусматриваютъ ни какихъ препятствій и тучь

угро-

угрожающихъ; небо имъ всегда кажется яснымъ и взоръ ихъ услаждаетъ. Однимъ словомъ, обладательница *Монталманова* потеряла себя невозвратно, склонившись на всѣ его желанія; долгъ, и честь и самое небо, принесены были въ жертву заблужденію препагубнѣйшей страсти.

Какая неожидаемая перемѣна последовала въ прелестномъ изображеніи будущаго ихъ щастія! *Розалія* получила отъ *Монталмана* письмо совсѣмъ не похожее на первое, которое можно было назвать источникомъ ея слабости и напастей; оно было слѣдующаго содержанія:

„Я принужденъ, сударыня, покориться воли моей родительницы; „она обо всемъ узнала и не только „не соизволяетъ на мои прошенія, „но и слышать о томъ не хочетъ; „и такъ я отъѣзжаю, принужденъ „оставить любовь и самую истребить надежду; бракъ нашъ уничтоженъ и я иду въ объятія другой.

Розалія не имѣла болѣе силъ его окончить, но упала, аки пораженная громовымъ ударомъ и долго лежала безчувственна. На конецъ собравшись

съ силами встала — да такъ ли полно я читала? не во снѣ ли я ето вижу? какъ? *Монталманъ* . . . . . . я его лишилась! я лишилась моего любовника, моего супруга! ну. все теперь у меня похитили! Потомъ взяла опять сїе пагубное письмо, думая не ошиблась ли она и по малу на него возводя зрѣнїе свое, орошала его слезами; на конецъ глаза ея открылись; она увидѣла всю неизмѣримость своего злоключенїя и своей ошибки. Угрызенїя послѣдовали за нещастнѣйшею любовью, кои суть первѣйшїя муки съ нею сопряженныя. Дѣвица *Домерваль* начала оплакивать потерю своего любовника и свою съ нимъ добродѣтель. Бывали иногда минуты, въ кои сердце ея озарялось надеждою: но сїи слабые лучи тотчасъ опять изчезали. Изъ продолженїя письма увидѣла она подробности, кои открыли ей совершенно гибельное ея состоянїе; *Монталманъ* удалился на вѣки и она не знала, куда онъ и мать его дѣвались.

Въ какомъ страшномъ волненїи мыслей и безпокойствїи находилась тогда *Розалїя*. Иногда сїя нещастная умышляла притти и повергнувшись

шись къ ногамъ дѣвицы *Мезиракъ*, открыть ей причину своего отчаянія: но тотчасъ потомъ сію мысль отвергала, зная неумолимый нравъ своей родственницы; да и какія бы пожала она плоды отъ сего признанія? она безполезно бы только открыла свой позоръ. Ей не позволено было свободно проливать даже и самыхъ слезъ: но надлежало ихъ поглощать и сокрывать въ своей груди, надлежало забывать *Монтилмана*, а сіе то и составляло верхъ ея горести.

Дѣвица *Домерваль* почитала себя въ крайнемъ уже нещастіи: но она долженствовала испытать еще новую напасть. Того было не довольно, что она въ тайнѣ совѣстію терзалась, обвиняла и укоряла себя непрестанно: но надлежало еще сему позору, которымъ она въ собственныхъ только глазахъ была покрыта, выттти скоро на ружу и здѣлаться явнымъ передъ всѣми. Ея заблужденіе освятилось нѣкоторымъ образомъ, сими уничижающими знаками, показывающими несомнѣнную слабость, и представляющими общему зрѣнію все безобразіе порока. Какимъ ужаснѣйшимъ поразилась *Ро-*

залїя откровенїемъ, когда узнала, что она будетъ скоро мать! Ея тогдашнее состоянїе было одно изъ таковыхъ, коихъ себѣ представить никакъ не можно; она была тогда аки бы незапно пренесена посреди пучины, гдѣ она ничего не видѣла, опричь ужаса приближающагося кораблекрушенїя и не обозрѣвала кромѣ неба изрыгающаго на нее пламень и бездны неизмѣримой, отверстой для поглощенїя жертвы прежалостной. *Розалїя* ожидала ежеминутно, что тетка ея всю истинну узнаетъ и испытаетъ надъ нею всю жестокость неутолимаго своего нрава: но что еще больше умножало въ ней страхъ и отчаянїе, то были строгость, лютость и тиранство публики, которая жестокостїю своею и самую ея тетку превосходитъ; она разславитъ ея паденїе, ругаться станетъ ея слезами, гнать будетъ своимъ презрѣнїемъ и поразитъ ее уничижительнымъ безславїемъ. Какое наказанїе за одно только мгновенное преступленїе! и тѣ самые, кои напрягаютъ всѣ свои силы, кои употребляютъ всѣ роды искушенїя, чтобъ возсторжествовать

вать надъ поломъ, колико прелестнымъ, толико же и слабымъ первые суть, кои насмѣхаются и укоряютъ ихъ порокомъ, котораго казнь долженствовалибъ они по малой мѣрѣ вмѣстѣ понести! Коль кратно дѣвица *Домерваль* повторяла въ своемъ сердцѣ; ахъ! ето *Монталманъ* устроилъ мнѣ погибель! безчестiе, безчестiе незагладимое будетъ мнѣ воздаянiемъ за ту безпримѣрную горячность, которую я къ нему имѣла! я обманута, и оставлена! ..... и самая память обо мнѣ изтребится! ..... о! нѣтъ *Монталманъ* столько невиновенъ, онъ не можетъ таковымъ здѣлаться и я могу ожидать моего щастiя; можетъ быть мать его, желая прервать между нами союзъ, которой почитала я уже священнымъ, принудила его отъ меня удалиться ...... но сiе въ состоянiи ли облегчить мою смерть, смерть меня ожидающую? и чтожъ бо иное могу я себѣ представить? жестокой! онъ не знаетъ въ какую меня бездну низвергаетъ, не вѣдаетъ того, что онъ уже отецъ .... и я бывъ безъ друзей, безъ помощи и подпоры, принуждена сносить одна бремя

бремя горести моей. Напасти не столь становятся тягостны, естьли есть съ кѣмъ ихъ раздѣлять; отъ меня получитъ скоро жизнь . . . . твореніе несчастнѣйшее; оно будетъ плодомъ моей любви, которая привела меня въ крайнее заблужденіе.

При семъ представленіи *Розалія* объята была ужасомъ, хотѣла востать противу своей жизни и тѣмъ окончить свои злоключенія, сокрывши съ собою во гробѣ позоръ свой: но природа и вѣра ее удержали; сія толико сострадающая сердецъ нашихъ утѣшительница есть всегдашній и искренный нашъ другъ; она притекаетъ къ намъ во время чрезмѣрныхъ нашихъ печалей и тогда, когда мы бываемъ уже всѣми отвержены; дѣвица *Домерваль* пришла отъ того въ крайнее изнеможеніе и горькими слезами обливалась.

Сія толико угрожавшая ей буря скоро къ ней приближалась; она часъ отъ часу становилась тяжелѣе, но по щастію укрыла то и отъ самыхъ прозорливѣйшихъ глазъ; однако же тетка ея примѣтя въ ней глубокую печаль, непрестанно спрашивала

шивала ее о причинѣ и *Розалїя* не иначе отвѣтствовать могла, какъ только одними лишъ слезами, или жалуясь иногда на слабость, которой источника она и сама не знала. Таковое состоянїе дѣвица *Мезиракъ* приписывала новой ея жизни, которую она съ своей племянницей препровождала; и такъ прервала тотчасъ сообщенїе съ людьми и вмѣняла то въ число благихъ дѣлъ своихъ, что могла причинить по мнѣнїю своему нѣкоторой родъ скуки молодому человѣку. И подлинно, есть таковые суровыя свойства, кои похищая у ближнихъ утѣхи, веселятся. Жестокая *Мезиракъ* имѣла сладчайшее удовольствїе мучить бѣдную жертву странным своимъ нравомъ; она удаляла ее отъ самыхъ даже неповинныхъ забавъ и не сомнѣвалась при томъ, чтобъ она не приняла ее вкуса, и скучной ея строгости.

Случай споспѣшествовалъ дѣвицѣ *Домерваль* больше, нежели она могла надѣяться; тетка ея занемогла и нѣсколько дней не сходила съ постели. Сїе было то самое время, въ которое *Розалїи* надежало

отъ бремени разрѣшиться она; искусно извѣстилась обо всемъ, какимъ образомъ поступаютъ въ ея состоянiи и безъ всякiя постороннiя помощи и нужнаго пособiя благополучно родила сына.

Въ концѣ сада находилась одна ветхая бесѣдка, которую весьма не часто посѣщали; сiе то презрѣнное мѣсто избрано было убѣжищемъ къ сокрытiю новорожденнаго, а сѣно и солома колыбель его составляли. *Розалiя* ощутила тутъ новое и ею неиспытанное чувствованiе, любовь матернюю; она подъ разными видами уходила отъ своей тетки и когда взятые предосторожности казались ей надежны, тогда приходя обнимала и сосцами питала своего сына. Какiя безпокойствiя причиняли тутъ ей страхъ, что бы младенецъ ее не претерпѣлъ чего отъ того принужденiя, съ какимъ она поступать съ нимъ должна была и опасность, столько же почти сильная, что бы тайна не открылась, чтобъ не испытать надъ собой худаго поступка со стороны дѣвицы *Мезиракъ*, и чтобъ не подвергнуться вѣчному безславiю!

Сiе

Сїе страшное изображенїе возмутило *Розалїину* душу. Чувствованїя матернїя ослабѣли при воззрѣнїи на себя, какъ на женщину преданную поношенїю, безнадежную къ приведенїю въ забытїе своего проступка и сущую предмѣтомъ всеобщаго поруганїя. Таковото было ужасное представленїе, которое поражало дѣвицу *Домерваль*; безконечное противоборство мыслей и чувствїй терзали поминутно ея сердце; наконецъ честь вознесла свой голосъ выше природы. Честь, *Розалїя* повторяла не однократно, есть правило всѣхъ нашихъ дѣйствїй; сїя тиранка, подъ уставами которыя надлежитъ тяготѣть, не спрашиваясь и не внимая чувствованїй, сихъ чувствованїй, кои вопїютъ во внутренности моего сердца . . . . . я истреблю ихъ и потушу сей гласъ сильно раздающїйся . . . . . Нѣтъ, мнѣ не можно . . . . какимъ образомъ воспитать младенца въ тайнѣ? и какая же потомъ будетъ его судбина? Что такое жизнь? Не пагубнѣйшїй ли она даръ? должна ли я смотрѣть закрытыми глазами на сонмы золъ ополчающихся противу есте-

естества? и мнѣ ли прилично изводить какое нибудь творенїе изъ щастливаго ничтожества? Нѣтъ, пускай оно паки въ оное низринется . . . пускай паки низринется ; поспѣшимъ преобратить его въ небытїе; сїя плачевная жертва моей слабости, или лучше сказать, моего непростительнаго заблужденїя не можетъ долго скрыватся въ мракѣ неизвѣстности. Еще разъ повторю, какая будетъ его участь? *Монталманъ*, *Монталманъ* не оставилъ даже и имени сему бѣдственному горячности моей плоду, отверженному безъ сомнѣнїя небесами; отецъ его . . . ахъ! онъ его не имѣетъ; а мать, мать его принуждена отступиться отъ него; ей и то запрещено будетъ, чтобъ орошать его слезами; онъ для того только жить станетъ, чтобъ влачить на себѣ знаменїе моего порока, что жесточае для меня самой смерти, чтобъ насыщаться униниженїемъ, которое сопряжено со жребїемъ нещастнаго, чтобъ носить повсюду позорище бѣдности и безславїя и образовать мое согрѣшенїе во всей его ужасности, которое будетъ собственнымъ его. Ахъ! Какимъ

я даромъ его надѣлила? жизнь не для тѣхъ ли только предоставлена, коимъ нѣчего стыдиться, кои могутъ ожидать богатства, честей и благоденствія? а ты возлюбленное мое чадо, никогда имѣть сего не будешъ; ты для того открываешъ свои глаза, чтобъ видѣть слѣдствія жестокой скудости, и потомъ . . . не общей ли то смертныхъ жребій, чтобъ первый шагъ въ жизни ими учиненный уже велъ ихъ ко гробу? Какимъ же я въ истинну злоумышленіемъ могу себя укорять, въ разсужденіи тебя, естьли поспѣшу тою минутою, которой тебѣ избѣгнуть не возможно? Ступай же, я и сама немедлѣнно за тобою послѣдую во гробъ; умремъ, пока безчестіе не сопряглось съ моимъ именемъ къ оскверненію памяти моей . . . ахъ! безчестіе меня встрѣчаетъ повсюду.

Таковы почти были размышленія, кои смущали нещастнѣйшую *Розалію*; она уступила сей послѣдней бурѣ и, предприняв гнусный умыселъ отнять жизнь у своего младенца, рѣшилась непремѣнно исполнить сіе злодѣяніе, толь противное небу, землѣ, закону и природѣ. Она вооружила ру-

ку убивственнымъ желѣзомъ и побѣжала сквозь садъ къ той бесѣдкѣ, гдѣ хранился драгоцѣннѣйшій ея залогъ; вошедши во оную затворила за собою двери и вынувъ изъ подъ платья смертоносное орудіе готовилась его произить: но вопль младенца поразилъ ея слухъ, или лучше сказать ея сердце; она зделалась на нѣсколько времени неподвижною, когда увидѣла сію толь жалостную тварь, которая, казалось, ее узнала и къ ней простирала свои руки съ сею умильною улыбкою, имѣющею толико прелестей въ себѣ, наипаче для глазъ матернихъ, смотрѣла долго на него съ пристальностію, наконецъ объята ставъ ужасомъ и любовью и бывъ поражена его состояніемъ, отвратила зрѣніе свое и хотѣла поднять руку: но вторичный вопль ея сына, который, казалось, умолялъ ее о отвращеніи сего грознаго удара, произвелъ новыя движенія въ ея сердцѣ; орудіе выпало у нее изъ рукъ и она повергласъ въ изнеможеніи на младенца, лобзала его и обливала своими слезами: — Нѣтъ, говорила она, нѣтъ твоя мать не будетъ убійцею твоею; живи, мой возлюблен-

ный . . . живи . . . чтобъ быть нещастнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкъ. Едва лишь *Розалїя* удалилась отъ сего толь любезнаго предмѣта, какъ мятежныя мысли ею обуявъ, представляли ей опять позоръ ее ожидающїй; она винила въ себѣ излишнюю горячность и паки обратилась къ своему злоумышленїю, чтобъ истребить непремѣнно въ себѣ жалость; нѣтъ, говорила она, не возможно мнѣ, не возможно больше колебаться; тайна моя откроется, и я буду . . . . я потеряю безъ сомнѣнїя . . . . большее нѣчто, нежели младенецъ, я потеряю честь; наименованїе матери, наградитъ ли потерянїе славы? не послѣдняя ли то степень злополучїя? Вотъ истинная утрата, утрата невозвратная! Общество и весь свѣтъ отъ меня требуетъ сего жертвоприношенїя . . . . Я удовлетворю имъ.

Такимъ образомъ дѣвица *Домерваль*, возвращаясь въ садъ, рѣшилась неотмѣнно исполнить свой злодѣйской умыселъ: но всевышнїй, усиливши устами природы гласъ свой въ сердцѣ заблуждающейся жены, удержалъ ея убїйственную руку.

Какъ,

Какъ, вскричала она, я не въ силахъ отвратить напастей висящихъ надъ моею главою! Тетка моя начинаетъ обмогаться; она станетъ наблюдать мое поведенїе и узнаетъ мою тайну, которую я хотѣла низвергнуть со мною во мрачнѣйшую ночь; чегожъ должно ожидать, когда то здѣлается явнымъ? О! боже! я умру съ печали и умру въ поруганїи (потомъ спустя нѣсколько времени) но увы! я мать, я мать, возопїяла она, я то чувствую по тяжести меня терзающаго смятенїя! какъ! заклать сїе бѣднѣйшее творенїе, которое, кажется, требуетъ моей любви и простираетъ нѣжныя свои руки къ сему убїйственному железу? Обагрить мнѣ свои руки въ крови моего порожденїя . . . . моего сына? Ахъ! какое поразительное изреченїе! и какой гнусной способъ къ моему избавленїю . . . . отъ стыда и отъ безчестїя, которое время еще больше усугубитъ! Но мнѣ не осталось ничего больше предпринять; какую жертву принесу я такому бытїю, которому смерть и жизнь все едино, которое не имѣетъ ни какова познанїя о своей судбинѣ, а

я вижу всю ужасность моего рока! Мнѣ можно отъ того избавиться . . . и я то учинить должна.

И такъ *Розалїя* только что отсрочила погубленїе своего сына, а впрочемъ рѣшилась непремѣнно исполнить сїе богопротивное злодѣйство; она вознамѣрилась употребить не желѣзо, къ чему рука ея не поднималась; картина сей окровавленной жертвы, которая трепетала у ногъ ея, ужасали ее и вопль пронзительный отводилъ сей смертоносный ударъ. И такъ ей надлежало отъ сего позорища отвратиться; она думаетъ, что уже сыскала средство успокоить сїю пагубную для нея жалость и охотно склоняется на то, что она почитаетъ своею должностїю и высочайшимъ закономъ, которой долженъ отвергнуть и преодолѣть всѣ усилїя природы. *Розалїя* прибѣгаетъ къ отравѣ; я убѣгу, мыслитъ она, отъ своего сына, дабы не увидѣть мучительной его смерти; и такъ ядъ съ поспѣшностїю растворяется, все было уготовано, и сынъ ея долженъ былъ непремѣнно умереть.

Въ ту самую минуту, когда съ напиткомъ она подходила, терзалась новою нерѣшимостію; толико то трудно матери учинить подобное злодѣйство! она возмущаема была противными движеніями, поминутно склоняясь то къ матерней любви, то къ чести. Наконецъ объята будучи страхомъ, тоскою и самою неизвѣстностію, которая къ прочимъ мученіямъ присоединилась, побуждаема вѣрою и человѣчествомъ, устрашаема своимъ предпріятіемъ, выронила она изъ рукъ пагубный сосудъ и побѣжала къ одному почтенному священнику, который назывался *Фремсвилемъ* и ксему поручено было правленіе не большаго прихода въ одномъ изъ предмѣстій города. Сей добродушный мужъ присовокуплялъ къ безпримѣрному благочестію своему благотворительность, которая ко всѣмъ нещастнымъ простиралась; онъ былъ столько бѣденъ, что не могъ иначе вспомоществовать ближнимъ своимъ, какъ лишая себя самонужнѣйшаго. Онъ не походилъ на дѣвицу *Мезиракъ* и снисхожденію своему не полагалъ предѣловъ; надъ единымъ лишъ собою

оказывалъ онъ всю жестокость строжайшаго смиренія; почему весь приходъ его почиталъ и любилъ, какъ чадолюбивѣйшаго отца.

Въ нѣдра сего то достойнѣйшаго пастыря дѣвица *Домерваль* вознамѣрилась излить свои слезы и свою душу, обуреваемую ужаснѣйшимъ волненіемъ; она требовала тайнаго съ нимъ переговора и получивъ едва лишъ увидѣла его одного, то повергласъ предъ нимъ на колѣни, обливаясь горькими слезами. *Фременвиль* съ торопливостію началъ ее поднимать. — Нѣтъ государь мой, говорила она, я у ногъ вашихъ свергну бремя толико сердце мое отягощающее . . . . вы видите преступницу передъ собою . . . и виновнѣйшую . . . — о! когда вы имѣете столько твердости, сударыня, что мое присудствіе почитаете нужнымъ, то думать надобно, что васъ угрызенія ко мнѣ приводятъ, а раскаяніе есть начало добродѣтели; подумайте, что богъ есть первѣйшій сердецъ нашихъ утѣшитель и нашъ другъ, коего благость безпредѣльна и коего руки всегда къ принятію насъ простерты, естьли мы

съ

съ сердцемъ сокрушеннымъ исповѣдуемъ наши прегрѣшенія. Говорите, сударыня, и съ благонадежностію положитесь на мою скромность и усердіе: *Розалія* съ плачемъ и рыданіемъ объявляетъ ему свое имя и фамилію, открываетъ ему свое состояніе, которое, казалось, требовало отъ него величайшей услуги. Такъ, государь мой, я даже у ногъ вашихъ мучусь злоумышленіемъ, которое исполнить готова на каждую минуту; оно васъ устрашитъ безъ сомнѣнія, ибо я и сама его ужасаюсь; все понуждаетъ меня сокрыть сей очевидный знакъ моей слабости, или сказать лучше моего преступленія, ибо я не хочу передъ вами оправдаться; сіе только одно мнѣ средство и осталось, вы, я надѣюсь, меня понимаете . . . . я хотѣла истребить. . . . — Ахъ! что вы говорите? о боже!! — Такъ, государь мой, я чувствую сама всю жестокость сего дѣйствія и я не родилась къ произведенію толь гнуснаго и нечестиваго убійства; но . . . что со мною будетъ . . . по судите, судба моя отъ васъ теперь зависитъ. — Успокойтесь, сударыня, она ввѣ-

 рена

рена душѣ чувствительной; вы безъ сомнѣнія грѣхъ великой учинили и я отъ васъ того не скрываю, но присовокупите ли вы къ одному преступленію другое противнѣйшее природѣ и самому творцу? Вамъ обагриться кровію человѣческою, кровію отъ васъ рожденнаго младенца! Ахъ! воззрите на сію жалостную жертву, воззрите со вниманіемъ; не станетъ силъ вашихъ произвесть подобное злодѣйство; нѣтъ, вы никогда столь безчеловѣчною не учинитесь. Не касаясь неба, довольно одной природы ... — Ахъ! государь мой, она то и причиняетъ мнѣ лютѣйшія мученія; она составляетъ мое наказаніе и она то удерживала меня до сего часа покориться .... власти необходимости; судите по сему о крайности, до которой я доведена. Еще вопрошу васъ, что со мною будетъ, естьли моя родственница, естьли публика, публика, государь мой ... Ахъ! предайте меня смерти, или извлеките изъ сей ужаснѣйшей пропасти.

Фременвиль возобновилъ свои отеческія увѣщанія, приводилъ во свидѣтельство вѣру и потомъ исполнивши

нивши долгЪ пастыря, исполнилЪ и человѣка; принесите мнѣ, говорилЪ онЪ *Розалїи*, вашего младенца; мы потщимся подать вамЪ руку помощи, не оскорбляя ни неба, ни человѣчества.

Молодая особа сЪ поспѣшностїю возвратилась кЪ своей теткѣ и стала вымышлять, подЪ какимЪ бы ей видомЪ паки отлучиться и вручить своего сына *Фременвилю*; наконецЪ великодушный священникЪ, не смотря на свою скудость, принялЪ на свое попеченїе младенца и сохраненїе его жизни; все было сЪ порядкомЪ устроено; одна бѣдная женщина изЪ знакомыхЪ священнику назначена была кормилицею сей невинной твари, сЪ тѣмЪ однакожЪ, чтобЪ она не знала имени его родившей, которая и сЪ своей стороны будетЪ такЪ же рачительно скрываться.

Дѣвица *Домерваль* весьма охотно приняла сїи договоры; ей нужно было и самой скрывать сїю тайну, хотя не безЪ труда на то склонилась. ТакимЪ образомЪ изЪ всѣхЪ грозившихЪ ей опасностей осталось одно то лишЪ безпокойствїе, что она не могла оказать своей признатель-

ности человѣколюбивѣйшему пастырю; она тутъ то возчувствовала всю тягость своего недостатка. ибо того не довольно, что она сама ничего не имѣла, но и тотъ, который великодушно обременилъ себя ея злоключенїями, былъ ея не богаче. Она всемѣрно предпочла бы смерть таковой услугѣ, которая великаго стоила труда ея благотворителю; но любовь матерняя чего предпринять не можетъ? *Розалїя* при большемъ спокойствїи духа, возчувствовала всю силу оныя; любовь матерняя превосходитъ всякую другую любовь; мать, естьли коснется дѣло до сохраненїя ея младенца, презираетъ смерть и самое даже поношенїе. Она бывъ принужденна забыть первѣйшїй предмѣтъ ея нѣжности, обратила всю свою чувствительность на своего сына, котораго ей не токмо въ объятїяхъ имѣть, но ниже видѣть не дозволялось и сїе болѣе еще усугубляло въ ней тоску, и подвергало ее непрестанно безпокойнымъ подозрѣнїямъ страшной ея надзирательницы.

Добродушный священникъ, хотя смягчить ея мрачную тоску, приказалъ

залѣ кормилицѣ выносить младенца въ публичной садъ, въ коемъ дѣвица *Домерваль* почасту бывала съ своею теткою и гдѣ могла бы она, увидя своего сына, вкусить сїю толь сладкую для матерей отраду, съ тѣмъ однакожъ условїемъ, чтобъ не оказывать ей ни малаго движенїя могущаго открыть тайну ея. И дѣйствительно сынъ ея, коего несла на рукахъ его кормилица, было первѣйшее зрѣлище, которое взоръ ея на гульбищѣ поразило. Какое движенїе произошло во всемъ ея составѣ! она хотѣла было его пресилить; но такое противоборство причинило ей сильный обморокъ и она пала безъ памяти къ ногамъ своей родственницы, которая старалась сперва подать ей помощь, потомъ съ нетерпѣливѣйшимъ любопытствомъ стала выспрашивать, отъ чего бы произшелъ сей незапный припадокъ. *Розалїя* прибѣгала къ разнымъ видамъ, коимъ дѣвица *Мезиракъ* не безъ труда повѣрила; однако же они остались еще нѣсколько въ саду и дѣвица *Домерваль* непрестанно обращалась на сего младенца, которой по своимъ лѣ-

тамъ соединялъ всѣ прелести въ себѣ. Тетка ея примѣтя въ ней безпокойство, сказала, что тебѣ здѣлалось, дѣвушка? Ты мнѣ кажешься смущенна, взоры твои непрестанно обращаются на сію женщину . . . на сего младенца . . . Ахъ! тетушка . . . Ето дитя . . . — Ну что такое ето дитя . . . — Тетушка . . . Какъ же оно мило! Ето правда, что я не могу удержаться . . . но вы подумайте сами, сколь оно любезно! . . . Оно къ намъ протягиваетъ ручонки . . . оно глядя на насъ улыбается . . . позвольте мнѣ . . . позвольте подойти къ нему поближе . . . и поцѣловать его. Душа окаменѣлая дѣвицы *Мезиракъ* какимъ то чудомъ тронулась, глядя на сіе прелестное творенїе и не могши противиться желанїямъ своей племянницы, которая была уже близъ кормилицы, обнимала съ горячностїю и цѣловала своего сына, удостоила и сама его своимъ хладнымъ поцѣлуемъ; таковое дѣйствїе умиленія до сего часа было для нея неизвѣстно, чему она и сама дивилась не мало; а! естьли бы ей было открыто еще сердце

Розалїи, что она бы изумилась, увидя въ немъ смятенїе и радостный восторгъ.

Молодая особа не могла отступить отъ сего предмѣта, который ею толико обладалъ; слезы изъ глазъ ея лилися, а тетка отъ часу больше удивлялась, не зная чему приписывать сей въ разговорахъ и во всѣхъ ея движенїяхъ безпорядокъ. Она не могши подозрѣвать настоящей того причины, стала упрекать свою племянницу излишествомъ чувствительности, которая, говорила она, изъявляетъ склонность къ мїрскимъ суетностямъ. *Фременвилъ* узналъ отъ кормилицы обо всемъ, что произходило на гуляньѣ; онъ не сомнѣвался по описанїю, чтобъ ето не была дѣвица *Домервалъ*, которая оказывала таковую ласку и любовь. И такъ при первомъ съ нею свиданьѣ началъ ей выговарить; сударыня, развѣ ето вы мнѣ обѣщали? Съ какою нескромностїю вы предались толь непозволеннымъ возхищенїямъ? Не уже ли вы хотите погубить себя? Такъ вѣдайте, что сего будетъ не довольно, ваше паденїе повлечетъ съ собою меня, и мою честь ... — Постой

стой, почтенный мой благотворитель . . . Сїе поражаетъ меня ужасомъ, я клялась вамъ; не уже ли сїе должно быть мздою толь знаменитой услуги? Простите мнѣ, любовь матерняя овладѣла мною; вы сами воспламенили чувствїя мои; изрядно, я больше не хочу видѣть моего сына до той щастливой перемѣны, когда дозволено мнѣ будетъ сокрыться съ нимъ въ какомъ ни есть краю; я надѣюсь получить наслѣдство послѣ моей тетки, тогда то . . . повѣрь мнѣ, мужъ благотворительный, что чувствительная *Розалїя* будетъ знать, какъ изъявить ей свою признательность . . . . — Вы меня оскорбляете, сударыня, я уже довольно награжденъ и тѣмъ, что могъ вамъ содѣлать добро и спасти васъ отъ крайности колико преступной, толико и опасной. Но не вамъ ли подобаетъ первымъ сїе приключенїе въ тайнѣ содержать? Еще разъ повторяю, не уже ли вы хотите подвергнуть толь соблазнительной огласкѣ ту честь, въ которой вы имѣете причину толико быть привязаны. Свѣтъ не столько милосердъ, какъ небо;

богъ

богъ кающагося прощаетъ и пріемлетъ, а люди суть жестокосерды и неумолимы. Я знаю что ихъ злоба не пощадитъ и меня самаго, естьли узнаютъ, что я сына вашего принялъ на мое попеченіе. Такъ, неложно, дочь моя, весь свѣтъ на меня опрокинется и очернитъ мою старость самыми гнуснѣйшими красками. Истинна обитаетъ въ моей душѣ. Я поступилъ такъ какъ божію служителю, честному человѣку и истинному христіанину поступить надлежало; доколѣ совѣсть моя пребудетъ непорочна, дотолѣ я смотрѣть стану спокойно на злые ихъ навѣты, изрыгающіе свой ядъ на мои поступки; я гнушаюсь ихъ лютостію, которая не причинитъ мнѣ ни когда толико зла, колико я вкушаю радости исполнивши мой долгъ; благотворительность есть первѣйшая заповѣдь насъ обязующая; а щастіе оказать вамъ слабую услугу не превышаетъ ли всѣ противности, которыя я могъ бы претерпѣть?

Розалія съ своей стороны обѣщалась во утвержденіе спокойствія сего почтеннаго старца, чтобъ ни когда

когда не видѣть своего сына, которой отъ часу умножалъ ея привязанность. Она могла бы истребить *Монталмана* изъ своего сердца и увѣриться, что онъ ее уже забылъ; но любовь въ надеждѣ не ослабѣваетъ и когда случалось ей быть одной, то вся ея душа была исполнена любовникомъ и сыномъ. Нѣтъ, говорила она, толь нѣжный и честнѣйшій пламень, не можетъ быть заплаченъ столь гнусною неблагодарностію, я охотно тому вѣрю, хотя нѣкоторыя воспослѣдовавшія препятствія и разрушили наше благополучіе. Нѣтъ, *Монталманъ* не могъ до такой крайности перемѣниться! . . . естьли бы онъ зналъ, что онъ отецъ, то одно бы сіе наимянованіе уже безъ сомнѣнія его тронуло, хотя бы имя любовника и со всѣмъ потеряло свою силу. По малой мѣрѣ, безчувственный *Монталманъ*, ежели бы я знала твое жилище, то могла бы вручить тебѣ жребій моего сына . . . не ужъ ли и надъ нимъ не оказалъ бы ты жалости? Не довольно ли и того, что ты измѣнилъ матери? . . . О! небо, въ сію самую минуту, когда я утопаю

въ

въ слезахъ, ты готовишься можетъ быть къ браку . . . и узы непрерывныя соединятъ тебя, а сей бѣдный плодъ горячности, толь не достойно тобою награжденной, навсегда будетъ отринутъ; еще бы, когдабъ другая не носила на себѣ имени твоей супруги . . . но сего не можетъ статься . . . Ахъ *Монталманъ*! *Монталманъ*! кто станетъ тебя любить такъ . . . Какъ я еще люблю тебя? Пусть я буду жертва пагубной сей страсти; но небеса накажутъ ли такъ же и моего сына? Онъ не виненъ. Увы! естьлибъ мнѣ дозволено было возрастить его въ нѣдрахъ моихъ, напоить его моими слезами; а когда бы онъ не имѣлъ болѣе нужды въ моей помощи, тогда пускай бы разгнѣванные небеса прервали нить моей судбины. Ахъ! мой сынъ, возлюбленный мой сынъ, это для тебя, для тебя единаго желаю я продлить мою бѣдственную жизнь; будь мнѣ вмѣсто любовника, вмѣсто моего супруга и цѣлаго свѣта; я желала бы хотя при послѣднемъ моемъ издыханіи, чтобъ *Монталманъ* далъ мнѣ свою руку, дабы оставить тебѣ по малой мѣрѣ ту

честь,

честь, которую погубила твоя нещастнѣйшая мать. Но я съ пріятностію представляю себѣ, что виновникъ твоей жизни еще не заключилъ обязательства ужаснѣйшаго для насъ обѣихъ; мое сердце противу моей воли погружается въ сихъ сладчайшихъ мысляхъ; такъ, *Монталманъ* свободенъ . . . но увижуль я его? . . . . и буду ли ему еще мила? О сынъ мой! отецъ твой возвратится ли тебѣ?

И въ самомъ дѣлѣ, дѣвица *Домерваль* не могла увѣриться, чтобъ *Монталманъ* по толикомъ найсвященнѣйшихъ клятвъ предъ нею расточеніи моiъ измѣнить ей. Наконецъ она получила какъ то стороною писмо, котораго руку она узнала и распечатавъ его съ неизреченною радостію, нашла въ немъ слѣдующее: „Я услышалъ сударыня, „что судьба ваша ни отъ кого еще „не зависитъ, и такъ, чтобъ надежда видѣть меня, не была вамъ предосудительна, почитаю за долгъ „честности васъ увѣдомить, что я „уже женился . . . . *Розалія* здѣлалась тутъ неподвижною и такъ

ска-

сказать, нечувствительною къ самой горести; она не произносила никакихъ жалобъ, не пролила ни одной капли слезъ; но усилившись сама надъ собою, пошла едва влача ноги къ *Фременвилю*; глаза ея были блудящи и лице покрыто смертельною блѣдностію; она не въ силахъ будучи выговорить ни единаго слова, едва только могла подать письмо сему благотворительному священнику, которой прочтя его всплеснулъ руками и возвелъ глаза свои къ небу, отдавая ей писмо. Онъ женился, вскричала *Розалія*, съ тяжкимъ вздохомъ! Сильный обморокъ послѣдовалъ за сими словами; она лежала нѣсколько времени безчувственна; по томъ пришедъ въ себя сказала томнымъ голосомъ: ну, все теперь свершилось, и надежды больше нѣтъ .... одна смерть остается моимъ убѣжищемъ; рокъ не опредѣлилъ, видно, имѣть мнѣ мужа, а сыну моему отца.

Она предалась тутъ всему изступленію смятенныя души, которою владѣть уже больше не могла; источники слезъ ручьями лились по ея щекамъ и воздухъ наполненъ былъ

одними

одними ея стенаніями; она хотѣла устремиться противу своей жизни, но добродушный священникъ, по своему человѣколюбивѣйшему свойству, представлялъ къ утѣшенію ея все, что только могло отвратить ея отъ сего мрачнаго помысла; онъ представлялъ ей вѣру, отверзающую сострадательныя нѣдра свои для нещастныхъ, показывалъ ей сына, которому, говорилъ онъ, нужно продолженіе ея жизни; и наконецъ приводилъ ей на память будущую жизнь, которая можетъ быть не столько будетъ для нея злополучна.

Дѣвица *Мезиракъ* съ нѣкотораго времяни гораздо стала снисходительнѣе къ своей племянницѣ и не столько показывала ей суровости; она похваляла ей непрестанно пріятность жизни уединенной, представляла ей всѣ сѣти, кои разставлены въ мірѣ, чтобъ уловлять невинныхъ, а наипаче порицала ей состояніе замужнее, яко всегдашній источникъ злоключеній и безпорядковъ, наказанія достойныхъ. Къ симъ страхамъ присовокупляла еще она ужасъ висящихъ надъ главою *Розаліи* грозныхъ

ныхъ тучь гнѣва судіи праведнаго, который неутолимъ будучи въ ярости отмщеваетъ до безконечности и не прощаетъ ни коли развращеній сердечныхъ и сихъ пороковъ сладострастія, кои общество столько же преступное какъ и снисходительное, вмѣняетъ въ простыя слабости и кои при строжайшемъ изслѣдованіи становятся толь великими пороками, что и твердое раскаяніе не можетъ ихъ очистить. *Розалія* воздыхала при семъ ужаснѣйшемъ изображеніи; но ея тетка требовала отъ нее больше, нежели воздыханій и въ одно время пришедъ къ ней въ комнату, заперла за собою двери и сѣла, потомъ велѣла такъ же и дѣвицѣ *Домервалъ* сѣсть подлѣ себя, и слушать ее со вниманіемъ.

Я имѣю нѣчто важное тебѣ сообщить, говорила она, оно касается до твоего состоянія, или лучше сказать до спокойствія твоей жизни. До сего часа, любезная моя племянница, ты не хотѣла меня слушать. Но я думаю, что теперь ты и сама одобришъ мое намѣреніе, которое состоитъ въ томъ, чтобъ

чтобъ поступить съ тобою такъ, какъ съ моею дочерью. Ахъ! что я говорю? Покарай меня боже, есть ли я когда нибудь имѣла желанїе испытать сїю матернюю любовь къ дѣтямъ! я отвергала даже и самыя помышленїя, кои почитала я поползновенїемъ къ разврату человѣческому и адскою прелестью. И такъ, я хочу чтобъ моя племянница была еще совершеннѣе меня и положивъ неприступную преграду между собою и мїромъ исполненнымъ пороковъ и поврежденїя, предвкусила на земли небесное веселїе; однимъ словомъ, чтобъ воспринявъ мужественное и достойное себя и благодѣтельницы своей намѣренїе, избрала себѣ благую часть и посвятила дни жизни своей богу въ какомъ нибудь монастырѣ; я знаю одинъ очень хорошей . . . . *Розалїя* не давъ ей окончить и съ движенїемъ довольно изъявляющимъ ея супротивленїе сказала: — какъ тетушка? вы хотите, чтобъ я приковала себя къ престолу божїю клятвами . . . — Такъ, я хочу, и ты здѣлаешь мнѣ въ томъ повиновенїе; я положила твердое намѣренїе и совѣтоваться о

томъ

томъ съ тобою не стану. Я должна знать лутче, что для тебя прилично; въ твои лѣта легко можно ослѣпиться; и такъ мои глаза должны разсматривать и моя воля избирать, что для тебя выгодно. Я тебѣ сказываю, что я уже на сіе рѣшилась и ни что не можетъ отвратить меня отъ моего намѣренія. Ни какія представленія, говорю, не помогутъ тебѣ да я и слушать ихъ не стану; вотъ тебѣ восемь дней на приготовленіе, а послѣ ты должна покориться моей власти. Твои родители оставили тебѣ въ наслѣдство одну лишъ бѣдность, которой всей тягости, благодаря моему великодушію, ты еще не знаешъ. А у меня хотя и есть достатокъ, чѣмъ бы тебя снабдить: но я еще не такой не другъ добродѣтелямъ и благочестію, что бы доставить тебѣ средство къ снисканію погибели своей въ обществѣ; все мое имѣніе препровождено будетъ за тобою же въ тотъ монастырь, которой я тебѣ избрала. Я еще тебѣ повторяю, въ восемь дней я хочу, чтобъ ты тамъ учредила себѣ вѣчное жилище; по постриже-

ни

нїи своемъ ты узнаешъ сама, сколько тетка тебя любитъ. Ты тогда увидишъ ощутительныя знаки моей къ тебѣ горячности; я извлекаю тебя изъ пропасти, отверзаю тебѣ входъ въ такое пристанище, въ коемъ ты будешъ отъ всѣхъ обуреванїй безопасна; они очень ужасны; и такъ возпользуйся способами къ твоему спасенїю . . . . Я не буду смотрѣть на твои слезы и слушать не стану твоихъ стенанїй; истинная любовь не поколебибима и непреклонна. Прости сударыня, я не буду спокойна по тѣхъ поръ, пока не увижу тебя въ монастырѣ и навсегда; помысли что я отъ тебя ожидаю совершеннаго повиновенїя.

По семъ ужасномъ пораженїи, *Розалїя* оставлена была своею безчеловѣчною родственницею; ей казалось, что она зрѣла тутъ мечту страшнаго сновидѣнїя, она воображала себѣ, что прошла уже постепенно всѣ напасти и достигла до высочайшей степени бѣдствїй своихъ; но при видѣ сего новаго опыта возтрепетала, аки бы человѣкъ стоящїй на краю бездны и ожидающїй всеминут-

путнаго низверженїя. — Такъ я еще не довольно удручена моимъ злополучїемъ! будучи обманута тѣмъ, ково я любила, здѣлавшись матерью, коею я не смѣю нарицатся, должна я еще разлучиться и съ моимъ сыномъ, съ моимъ единственнымъ въ горести утѣшенїемъ, должна подавлять сїи любезнѣйшїя сердцу движенїя! ахъ! сего то одного только и не доставало къ моимъ злоключенїямъ; могла ли я того страшиться? Кому! мнѣ! мнѣ! посвятить себя олтарю, которая привязана къ свѣту столь неразрывными и священными узами, кои временемъ и горестїю еще больше укрѣпятся! мнѣ оставить моего сына! да гдѣ его родство и гдѣ ево друзья? тотъ самъ нещастливъ, которой теперь ему помогаетъ и сїи благодѣянїя не должны ли когда нибудь кончиться? Прилично ли мнѣ угнѣтать тяжестїю злой моей судбины человѣка великодушнаго, которой лишается послѣдняго, чтобъ сохранить моего сына; нѣтъ я пойду съ нимъ на край свѣта и тамъ будучи не знаема, забыта, стану жить для него единаго, буду имѣть его въ объятїяхъ

моихъ, стану прижимать къ моему сердцу . . . тамъ я безпостыдно буду нарицаться его матерью.

Дѣвица *Домерваль* искала, кому бы открыть свою новую печаль, но одинъ только и былъ, кому могла она излить свободно свою душу; можно безошибочно сказать, что это былъ *Фременвиль*, къ кому она возъимѣла прибѣжище. Ну дражайшій и единственный мой благотворитель, сказала она ему объявивши напередъ съ слезами всѣ подробности жертвы требуемой отъ нее дѣвицею *Мезиракъ*, рѣшите мой жребій и научите меня, что мнѣ должно дѣлать? Какимъ мнѣ образомъ спастись пучины моихъ золъ? Я погибну, естьли вы не подадите мнѣ руки вашей помощи. Священникъ старался ободрить унывающую *Розалію*; увѣщевалъ ее ополчиться мужествомъ и сказать рѣшительно своей родственницѣ, что ей ни какъ сего предлагаемаго ею состоянія принять не возможно. Ваша тетка, примолвилъ онъ, набожна, а вѣра запрещаетъ употреблять насильство. Христіанство есть законъ кро-

кротости и благости; дѣвица *Мезиракъ* должна васъ любить, она всемѣрно будетъ чувствительна къ вашимъ представленіямъ и я за то отвѣтствую; набожность состоитъ въ томъ, чтобъ быть человѣколюбиву. Естьлибъ мое состояніе не столько было нужно и чтобъ я могъ здѣлать безопаснымъ жребій вашего сына, тогда и я бы вамъ совѣтовалъ внити въ обиталище и храмъ господень, принявши иноческую жизнь. Склонность ваша, уповаю, была бы согласна съ вашею пользою, однимъ словомъ, призваніе ваше было бы непреложно. И такъ, я отъ васъ не скрываю, ибо вы знаете удовольствіе, которое я вкушаю быть вамъ полезнымъ, что я нахожусь въ крайней скудости и скорбь ведетъ меня ко гробу; мои бѣдные прихожане приведены въ неслыханную крайность; я получаю отъ нихъ весьма малое подаяніе и то пріемлю для вашего сына . . . печаль изнуряетъ мою старость, то какая же по мнѣ останется ему подпора? Ахъ! государь мой, вскричала *Розалія* съ горестными слезами, судите по сему о моемъ мученіи.

Я чувствую сама, что вы дѣлаете не возможное для насъ; такъ, не возможное, мой сынъ и я не имѣемъ инаго, опричь васъ, друга и естьли мы васъ лишимся . . . какое изображенiе! — Надлежитъ, сударыня уповать на бога, которой до днесь подкрѣплялъ васъ своею десницею. Но я вамъ повторяю, соберитесь съ силами и поговорите съ вашею тетушкою, съ тою при томъ осторожностiю и почтенiемъ, которое должно оказывать своимъ родственникамъ и тѣмъ кои намъ дѣлаютъ добро; впрочемъ я несомнѣваюсь, чтобъ она не склонилася на ваши представленiя и слезы.

Но *Розалiя* никакъ не надѣялась имѣть того успѣха, коего *Фременвилъ* ожидалъ отъ объясненiя съ ее теткою. Однако же не хотя имѣть ни въ чемъ укоризны и желая здѣлать уважение совѣтамъ почтеннѣйшаго священника, приневолила себя, естьли можно такъ сказать и вознамѣрилась испытать все, чтобъ побѣдить нравъ, коего непреклонность ей была довольно извѣстна.

Дѣвица

Дѣвица *Мезиракъ*, будучи сама собою довольна и стоя на молитвѣ, возсылала къ небесамъ хвалу за низпосланныя ей добродѣтели и за сїю непримиримую лютость ко всему, что ей въ совершенствѣ неуподоблялось. Розалїя нашла ея въ семъ положенїи, когда приступила къ ней для объясненїя и ея первое движенїе было, что она повергнулась къ ногамъ своей родственницы, которая вооружившись всею свирѣпостїю своею, спросила ее: — чего ты хочешь, сударыня? — Умолять со слезами мою благодѣтельницу такъ, какъ бы я умоляла самаго всевышняго творца . . . . увѣртесь въ моей признательности и слѣпомъ повиновинїи . . . . — къ чему клонятся, всѣ сїи представленїя, которыхъ отъ тебя не требуютъ? Встань. — Ахъ! тетушка, позвольте мнѣ остаться у вашихъ ногъ; я не могу принять виду довольно униженнаго. Вы хотите, чтобъ я избрала состоянїе . . . . — такъ, которое тебѣ прилично и которое ты принять должна, для того, что я такъ опредѣлила; твоя воля зависитъ отъ моей и я тебѣ

уже сказывала, что мною опредѣлено, чтобъ въ концѣ недѣли отвести тебя въ монастырь. И вотъ уже три дни и прошло, а тамъ ты меня послушаешься.

Дѣвица *Мезиракъ* произнесла сіи послѣднія слова голосомъ повелительнымъ и хотѣла лишь вытти, но *Розалія* стала обнимать ей колѣни и орошать ихъ слезами . . . — тетушка, не покидайте меня не выслушавъ, не ужъ ли вы хотите моей смерти, ахъ! не приводите меня въ отчаяніе. Мнѣ не возможно исполнить вашей воли, вѣдайте . . . я къ монастырю чувствую непобѣдимое отвращеніе . . . — то есть, ты хочешь вытти за мужъ? Какъ! чтобъ я выдала за мужъ мою племянницу, въ которой беру столько участія, чтобъ предала обманщикамъ, которыми зараженъ весь свѣтъ, удалилабъ ее отъ цѣломудрія, перемѣнивши ея состояніе . . . . нѣтъ, я тебя не буду слушать, не благодарная, не буду слушать; я спасу тебя отъ бури золъ тебѣ угрожающихъ и противъ твоей воли. Такъ, чрезъ пять дней, ты будешь заключена въ монастырь, которой мною для тебя

избранъ

избранъ и я не прежде тебя увижу, какъ когда ты будешь священнымъ узломъ на вѣки связана. Вотъ обязательство, къ которому я тебя предопредѣлила. Какое ослѣпленiе въ сихъ молодыхъ людяхъ! онѣ думаютъ что нѣтъ другова блаженства, какъ только быть замужемъ. Послушай меня, и предайся въ мою волю; я поведу тебя тѣмъ единственнымъ путемъ, которымъ снискивается добродѣтель, спокойствiе и прямое утѣшенiе. Я хочу, чтобъ ты въ томъ послѣдовала мнѣ. Безъ тебя я бы и сама давно уже была въ монастырѣ. И такъ ты будешъ, сударыня, въ монастырѣ, будешъ и ежели бы тебѣ случилось и умереть, то я хочу, чтобъ ты по малой мѣрѣ умерла въ ономъ; вотъ ето то значитъ свершить теченiе свое въ нѣдрахъ истиннаго благочестiя.

Дѣвица *Домервалъ* покушалась новые употреблять усилiя, но они были столько же безуспѣшны, какъ и первые; ея родственница, оставивши ее лежащую на земли въ ужаснѣйшемъ отчаянiи, обратилась паки на молитву, просить бога, чтобъ ея племянница премѣнила свои мы-

сли, илибъ по малой мѣрѣ сподобилась изпустить послѣднее свое дыханіе посреди сихъ священныхъ дѣвъ, кои презрѣвъ мирская занимаются однимъ небомъ.

Розалія не опустила прибѣгнуть опять къ священнику и сообщить ему новые свои печали. *Фременвилъ* выслушавъ ее со вниманіемъ, старался какъ можно ее успокоить и умыслилъ нѣкоторое предпріятіе, которое однакожъ скрылъ отъ нея.

Дѣвица *Мезиракъ* смиренно радовалась своему упорству. Но вдругъ сказываютъ ей, что пришолъ къ ней священникъ, коего она поспѣшно повелѣваетъ впустить. Представте тутъ себѣ изображеніе дѣвицы престарѣлой, у коей на лицѣ написано нѣкое внутреннее удовольствіе, или лучше сказать радость; таковыя посѣщенія всегда ея надымали; нѣкоторой видъ тщеславія и торжества блисталъ въ ея глазахъ. Священникъ входитъ, ето былъ *Фременвилъ*, *Розаліинъ* благотворитель, который требовалъ отъ *Мезиракъ* тайнаго съ нею переговора, въ чемъ ему и не отказано; они

оста-

осталися одни; *Розалїина* тетка тотчасъ его узнала; ибо не было ни одного священника, ни одного монаха и ни простова даже церковника во всемъ ономъ округѣ, ково бы она не знала: — какой щастливой случай, батюшка, доставляетъ мнѣ удовольствїе васъ видѣть? и какъ могу вамъ оказать мою преданность и почтенїе ... — я незаслуживаю, сударыня, толь великаго уваженїя ... — о! ваше благочестїе ... — благочестїе, сударыня, есть не что иное, какъ любовь непорочнѣйшая къ человѣчеству и я бы желалъ сердечно имѣть сїю добродѣтель; что же меня побудило принять смѣлость предстать къ вамъ, то вотъ что; я услышалъ, что вы имѣете племянницу достойнѣйшую того мудраго воспитанїя, которое вы ей дали и вы ей служите вмѣсто матери; сказываютъ вы отреклися даже для нее и отъ замужства ... — о! пожалуйте, избавте меня, батюшка, отъ такой рѣчи, она противна для цѣломудреннаго слуха; — простите мнѣ, сударыня, что я выговорилъ такое слово, которое оскорбляетъ вашу непорочность;

сїе здѣлалось безъ всякаго умыслу и я впредь стану остерегаться, чтобъ чѣмъ нибудь опять предъ вами не проступиться, но оставимъ ето; мнѣ сказали еще, что вы племянницу свою назначили въ монастырь. — Ничего нѣтъ справедливѣе, какъ то, что вамъ сказывали и я увѣрена, что вы первые одобрите толь благочестивое намѣренїе. — неоспоримо, сударыня, что ето есть самое достохвальнѣйшее намѣренїе, естьли ваша племянница имѣетъ къ тому благое произволенїе; сїе состоянїе можетъ быть найсвободнѣйшее отъ заразы пороковъ; богу прїятна чистота, безспорно, а обитель можетъ назваться святилищемъ сей христїанской добродѣтели. Но естьли молодая особа не бывъ привлекаема собственнымъ своимъ движенїемъ и побужденїемъ отъ небесъ влїяннымъ, то смѣю вамъ донести, что была бы въ семъ случаѣ неосторожность непростительная... — что вы говорите, батюшка и отъ васъ ли я слышу такїя рѣчи! я должна непремѣнно управлять слѣпою, которая безъ моего руководства, давно бы уже низринулась

нулась въ пропасть; вотъ каково состоянїе моей племянницы. Я благодаря бога проникла всю истинну, усмотрѣла всѣ опасности и спасу ее противъ ея воли. Такъ, мое намѣренїе есть, чтобъ заключить ее въ обитель, извѣстную мнѣ по своему благочинїю; не будетъ во кругъ ее ничего, опричь примѣровъ житїя непорочнаго, а вы, государь мой, вы орудїе небесное, и вы согласны предать ее слѣпотѣ мїрской! — боже меня сохрани, чтобъ я имѣлъ толь худыя мысли! напротивъ того, я думаю, что я всегда доказывалъ моимъ поведенїемъ, сколько я почитаю благочестїе и добродѣтель, не взирая, что я можетъ быть не могъ исполнить всѣхъ предписанїй съ такою точностїю, съ какою бы я желалъ. Но вы, сударыня, простите ли мнѣ, естьли я раздеру завѣсу скрывающую истинну отъ взоровъ вашихъ, какое заблужденїе васъ обольщаетъ? не уже ли вы чаете тѣмъ угодить богу, что возложите на бѣдную тварь иго, коего она нести не въ силахъ? Чувствуете ли вы всю ужасность рока нещастнѣйшей дѣвицы, влеко-

мой къ олтарю и принужденной приносить обѣты, коимъ сердце ея супротивляется? и что же потомъ воспослѣдуетъ изъ сей жертвы принужденной? Войдите въ таковое сердце, разсмотрите всѣ его страданія, безконечное стремленіе къ миру, коего ни что изтребить не можетъ, непрестанное смятеніе чувствъ, не сносное отвращеніе, возмущеніе противу самаго творца, необузданная горячность къ порокамъ и послѣдованіе божїяго отриновенія; кто же долженъ предаться проклятїю? и кто будетъ отвѣтствовать предъ симъ разгнѣваннымъ творцомъ за такія внутреннія неустройства? Кто будетъ сообщникъ, или лучше сказать, начальникъ сего клятвопреступленія? и кто наконецъ долженъ воспринять наказаніе, наказаніе страшное? . . . Вы меня понимаете, сударыня; я представляю вамъ истинну и обманывать васъ не буду . . . — такъ государь мой, я васъ понимаю, но съ такимъ удивленіемъ, или скажу вамъ лучше съ такимъ негодованіемъ, котораго изобразить вамъ не могу. И ето нашъ пастырь, нашъ наставникъ

никъ и учитель, которой изъясняется такимъ образомъ. — А! давно ли, сударыня, пастырямъ не дозволяется имѣть чувствованій человѣчества? Давно ли вѣра стала непріязненною природѣ? Сія послѣдняя произтекаетъ отъ бога, а вѣра ею управляетъ. Сей высочайшій властитель возложилъ на земнородныхъ различные ко исполненію ихъ должносьи; онъ то устроилъ общества, онъ предписалъ имъ уставы, онъ создалъ непосредственно первоначальную добродѣтель и добродѣтели особенныя для каждаго состоянія; свѣтская жизнь имѣетъ свои собственныя добродѣтели, равно какъ и монашеская. Думаете ли вы, что мать посреди чадъ своихъ не имѣетъ свойственныхъ ей добродѣтелей и должностей найсвященнѣйшихъ? — И, государь мой, у васъ я не знаю все какія то земныя разсужденія? Супружество можетъ ли имѣть совершенства монастыря? — Я признаюсь, сударыня, что бракъ имѣетъ злоупотребленія; но будте увѣрены, что и пустынная жизнь не менее порочна. При томъ еще скажу вамъ и то, что

вѣра, сія святѣйшая вѣра, нами исповѣдуемая во все запрещаетъ намъ отнимать волю; она ожидаетъ отъ насъ искренняго произволенія, а ваша племянница . . . — но скажите мнѣ, пожалуйте, какое участіе берете вы въ етой твари, которая востала противу своей родственницы, противу своей благодѣтельницы и самаго неба? — Какое участіе, сударыня? участіе человѣчества, соболѣзнованія, справедливости и самой вѣры, которую вы думаете почитать, но въ самомъ дѣлѣ оскорбляете; сіе показуетъ ваше заблужденіе и варварское суевѣріе, коего вы служите слѣпымъ орудіемъ. Въ моемъ званіи притворствовать не прилично. Я видѣлъ вашу племянницу, принесъ вамъ ея слезы и послѣднее издыханіе; не принуждайте ее и подождите времени . . . — времени, говорите вы? Времени осталось ей пять или шесть дней. — какъ сударыня! вы хотите довести ее до крайности! а, естьли она здѣлается самоубійцею . . . — я не посмотрю ни на что, опричь моей должности. Жизнь монашеская, вы не мо-

можете не признаться, есть найсовершеннѣйшая. Племянница моя неотмѣнно приметъ сїе состоянїе; она увидитъ свѣтъ и насладится веселїемъ, кое днесь отъ нее сокрыто. Житїе наше въ мирѣ семъ ни что; надлежитъ помышлять о жизни будущей, а я ничего опричь сего и не представляю племянницѣ моей, которую вы толь безпутно защищаете. — Мнѣ не трудно бъ было оправдаться, естьлибъ то было нужно, но здѣсь не касается до моего оправданїя; господь сердецъ нашихъ провидецъ, его то суда я ожидаю и опричь его никто на земли оправдить меня не можетъ. Я вамъ сказываю, сударыня, что вы будете отвѣтствовать за смерть вашей племянницы; вы хотите . . . — я хочу здѣлать ее благополучною и . . . она по времени узнаетъ услугу, которую я хочу ей показать.

Фременвиль употреблялъ благоразумнѣйшїя умствованїя, прошенїя и слезы, но дѣвица *Мезиракъ* была непоколебима, и такъ они разстались, будучи другъ другомъ весма не довольны.

До-

Добродушный старецъ по возвращеніи своемъ не скрылъ отъ *Розалги* своего поступка и худова успѣха, сверхъ ево чаянія, возпослѣдовавшаго. Вамъ, говоритъ онъ, неосталось ничего инова дѣлать, какъ приитти и открыть всю тайну вашей тетушкѣ. Одно лишъ сіе признаніе удобно прекратитъ всѣ ея гоненія. Когда узнаетъ она о вашемъ нещастіи, что вы имѣете сына, то увидѣвши его сердце ея умилится и она безъсумнѣнія вамъ проститъ вашу погрѣшность. Ваше чистосердечное признаніе, видъ сего жалостнаго творенія и ваше отчаяніе превозмогутъ ея упрямство. Нѣтъ, примолвила *Розалгя* съ воздыханіемъ, никогда, никогда не открою ей моего ужаснѣйшаго состоянія; ахъ! вы ея не знаете, отче мой и потому и говорите, что она меня проститъ. Она разславитъ только мой позоръ; какой же ето будетъ для меня ударъ! какой смертоноснѣйшій для меня будетъ ударъ! мнѣ быть обезчещенной! на что теперь рѣшиться? и что начать? должна ли я быть матерью?

Фремен-

Фременвиль и самъ не зналъ къ какимъ вымысламъ прибѣгнуть для спасенія нещастнѣйшей дѣвицы *Домерваль*. Онъ просилъ ее непрестанно, чтобъ она призналась дѣвицѣ *Мезиракъ*, ибо не находилъ инова средства, чѣмъ бы отвратить сію страшную бурю напасти.

По прошествіи нѣкотораго времени, получилъ онъ отъ своего Епископа повелѣніе, явиться къ нему немедлѣнно. Сіе его удивило и привело въ недоумѣніе; онъ не могъ ни какъ доискаться причины, для какой ево призываютъ, однакожъ не умедлилъ отправиться къ нему. Епископъ былъ тогда одинъ и ожидалъ его въ своемъ кабинетѣ. Увидѣвши сего священника издали: подойди ко мнѣ, другъ мой, сказалъ, подойди ко мнѣ поближе; такъ это ты то тотъ камень соблазна! *Фременвиль* смущенный таковымъ пріемомъ съ смятеніемъ отвѣчалъ: — Преосвященнѣйшій владыко, я непонимаю сущности сей притчи, удостойте, прошу, меня вашего изъясненія; я не думаю, чтобъ ваше преосвященство похотѣли оскорбить

мою старость толь чувствительною укоризною; ибо я старался всегда подкрѣплять мои поученія собственнымъ примѣромъ. — Такъ дѣйствительно, они и достойны подражанія; служителю бога вышняго, которой по своему званію долженъ наставлять въ добродѣтели другихъ, очень прилично имѣть побочныхъ у себя дѣтей и воспитывать ихъ при своихъ почти глазахъ! — преосвященнѣйшій владыко, естьли нѣтъ на меня другихъ навѣтовъ, то въ семъ не трудно мнѣ будетъ защитить мою невинность. Мое званіе повелѣваетъ мнѣ отверзать слухъ и нѣдра мои къ воспріятію важнѣйшихъ таинъ. Одна молодая особа, прельщена была обманщикомъ, который по томъ скрылся и оставилъ по себѣ сей плодъ ея заблужденія. Въ таковой крайности она ко мнѣ прибѣгла, открыла свое состояніе и лишена будучи всякой помощи, просила меня, чтобъ я призрилъ ея сына; я, немогши ей въ томъ отказать, принялъ его на мое попеченіе и отдалъ на прокормленіе къ одной женщинѣ, которая мнѣ прислуживаетъ. Мнѣ кажется, что я въ семъ слу-

случаѣ поступилъ, какъ человѣчество и вѣра мнѣ повелѣвали и уповаю, что и ваше преосвященство въ подобномъ случаѣ неиначебъ, какъ и я поступили. Вотъ басня вымышлена къ статѣ, отвѣтствовалъ Епископъ; а, кто она такова и какъ эту дѣвицу называютъ? — Вы, я надѣюсь, преосвященнѣйшій владыко, дозволите мнѣ сохранить сіе въ молчаніи; честь, равно какъ и вѣра обуздываютъ мой языкъ. – но сего, другъ мой не довольно къ уничтоженію важнаго на тебя доноса. Я получилъ письмо весьма чувствительное отъ женщины извѣстной по безпредѣльному своему благочестію и честному житію, въ которомъ она явно проситъ на тебя твоимъ начальникамъ и представляетъ при томъ доказательства . . . — я вамъ донесъ самую истинну, преосвященнѣйшій владыко и пусть я понесу на себѣ клевету и оскорбительныя навѣты, но въ тайнѣ буду утѣшаться признаніемъ моей невиновности; даже естьли ваше пресвященство и накажете меня, то я роптать за то не буду. Я показался вамъ виновнымъ и мнѣ во оправданіе

вданіе мое сказать болѣе нѣчего, какъ то, что я не виновенъ. Впрочемъ право открыть вамъ тайну, предоставлено той, которая мнѣ повелѣла содержать оную въ молчаніи; естьли бы она мнѣ разрѣшила, тогда бы я изъяснилъ все вашему преосвященству и она могла бы изъ сего видѣть, что я въ томъ ее необманулъ.

Епископъ по окончаніи сего отпустилъ съ суровостію *Фременвиля.* Впрочемъ узнать было не трудно сію добродѣтельную и набожностію знаменитую женщину, которая писала къ епископу; ето была дѣвица *Мезиракъ*; она узнала какимъ то случаемъ, что младенецъ у него воспитывался. Непомѣрная ревность престарѣлой дѣвицы тотчасъ воспалилась и она съ поспѣшностію писала къ Епископу на непорочнаго священника, не могши ему простить, что онъ принялъ на себя толковать ей то, что она почитала неблагодарностію и крайнимъ нечестіемъ въ своей племянницѣ. Священникъ всѣ сіи подробности узналъ отъ секретаря епископскаго.

По возвращенїи своемъ, *Фременвиль* не могъ сокрыть своей печали. Престарѣлой его служитель, будучи къ нему привязанъ, оную въ немъ примѣтилъ. Онъ видѣлъ слезы текущїя изъ глазъ его господина и слышалъ такъ же сїи изшедшїя изъ устъ его слова: о! боже! не уже ли попустишъ ты чтобы толь злобно истинну оклеветали? ты знаешъ не порочность моего поступка а я сталъ жертвою злобы и гнуснаго злорѣчїя! но къ чему сїи жалобы? Всемогущїй боже! я превѣчнымъ твоимъ уставамъ повинуюсь; рази, я благословляю твою десницу. Добродушный служитель умѣлъ искусно вывѣдать у господина своего то, что съ нимъ у Епископа случилось; будучи тронутъ такою несправедливостїю, оказанною его господину, не могъ онъ умолчать, чтобъ не сообщить и дѣвицѣ *Домерваль* причины *Фременвилевой* печали. Чувствительная *Домерваль* услышавши, что священникъ хотѣлъ лучше понести на себѣ подозрѣнїе, нежели открыть ея тайну, что тетка ея узнала о младенцѣ, которой подъ его присмотромъ и что своимъ клеветническимъ

ческимъ доносомъ искала погубить ея благотворителя, пришла въ глубокую задумчивость, потомъ опомнившись сказала: — твоего господина, другъ мой, благодѣянія и добродѣтели до такова излишества простираются . . . о! ему отдана будетъ справедливость, которой онъ достоитъ; такъ, она будетъ ему отдана; хотя потребна величайшая жертва и безъ сомнѣнія больше самой жизни . . . но его невинность будетъ оправданна.

Розалія находитъ себя въ состояніи предпринять нѣчто сверьхъ естественное. Сія женщина, которая страшилась паче смерти открыть свой преступокъ теткѣ, теперь исполнившись благороднѣйшаго мужества, приходитъ къ Епископу, требуетъ тайнаго съ нимъ переговора, въ чемъ ей не отказали и едва лишъ его увидѣла, то повергшись къ ногамъ его сказала: — преосвященнѣйшій . . . преосвященнѣйшій владыко, вы видите предъ собою нещастнѣйшую дѣвицу, которая умираетъ съ печали и стыда, но которая не мешкала

кала ни минуты, когда стало нужно защитить утѣсняемую невинность. Я узнала, что подозрѣвают священника . . . и такъ время теперь, чтобъ возсіяла истинна съ моею купно погибелью: [ибо сіе признаніе стоять будетъ моей жизни] но я принесу ему должное воздаяніе.

Дѣвица *Домерваль* расказала все свое приключеніе даже до малѣйшихъ обстоятельствъ; Епископъ тронутъ сталъ великостію души ея и обѣщалъ за нее постараться у ея тетки — . . . ахъ! преосвященнѣйшій владыко, я уже съ лишкомъ разгласила мое безславіе! теперь приближаюсь къ концу моихъ напастей; и такъ, не нужно тому покровительство, которой готовится къ смерти; оставте умереть ту нещаснѣйшую, которая не имѣетъ болѣе силъ взирать на свѣтъ; а естьли осмѣлюсь испрашивать вашего покровительства и милостей то единственно для моего сына; ему я оставляю принесть вамъ мою признательность; пусть онъ по мнѣ пребудетъ и чтобъ моя родственница, по малой мѣрѣ, не мстила въ немъ памяти моей.

Розалїя вознамѣрилась скрыть свой поступокъ отъ *Фременвиля*, думая, что было бы малодушно открыть то, что нѣжная чувствительность молчать ей повелѣвала. Да и можно ли тѣмъ хвалиться, что она исправила свою должность? ето было ея неминуемое обязательство; въ таковыхъ то случаяхъ подобаетъ жертвовать своими выгодами пользѣ ближняго. Молодая особа вкушала сладчайшее удовольствїе непосредственно сопряженное съ дѣйствїемъ честнымъ и добродѣтельнымъ. Когда она явилась къ священнику, то тотъ легко усмотрѣлъ на челѣ ея изображающуюся радость, которая казалось, проницала сквозь всю ея печаль; сїе привело его въ удивленїе: какую, спрашивалъ онъ, щастливую принесли вы мнѣ вѣсть? Ваша грусть не столько кажется чрезмѣрна! — о! мой единственный другъ . . . нѣкїй лучь утѣшенїя . . . перестанте унывать . . . я знаю все . . . (наконецъ *Розалїя* не могла удержать своей радости и сохранить молчанїя) я извѣстилась обо всѣхъ напастяхъ, кои вы ради меня претерпѣли . . . его преосвященство

я

. . . я была у него, расказала ему все; онъ теперь знаетъ мои преступленія и ваши благодѣянія; онъ возвращаетъ вамъ свою довѣренность и свое уваженіе, при томъ далъ мнѣ слово, что онъ все сіе докажетъ вамъ ощутительными знаками; онъ подкрѣпитъ и меня . . . мнѣ то, мужъ великодушнѣйшій, надлежитъ исправить причиненные вамъ моею теткою обиды; они приводятъ меня въ ужасъ.

Фременвилъ удивился тому и едва могъ произнести нѣсколько словъ; онъ хотѣлъ было изъявить ей свою признательность; но *Розалія* прервала его вскричавъ; ахъ! не довольно ли я вами уже и такъ одолжена! а вы мнѣ жертвуете еще и честію своею? не уже ли я могу допустить, чтобъ мое безславіе распространено было и на другихъ? нѣтъ, пусть я одна буду жертвою моего заблужденія; мнѣ, мнѣ должно вкусить стократную смерть, и оставить имя въ вѣчномъ поруганіи.

Однако же они ласкали себя нѣкоторою надеждою; епископскія

обнадеживанія открывали нѣкоторой лучь сквозь наступающія тучи! но возможно ли чтобъ духъ враждебный утомился наводить на насъ напасти! Епископъ, коего силы съ нѣкотораго времени начали оскудѣвать, на конецъ со всемъ изнемогъ и умеръ, а дѣвица *Домерваль* была тѣмъ низвержена, такъ сказать, съ самой вышины въ глубочайшую пропасть.

И такъ не оставалось средства болѣе откладывать сію пагубную минуту, въ которую надлежало ей или открыться безчеловѣчной родственницѣ, или быть влекомой въ монастырь. Уже все было къ отъѣзду ихъ готово. *Розалія* видя лютый часъ къ ней приближающійся и что ей неотмѣнно должно было склониться на совѣтъ *Фремонвилевъ*, бѣжитъ въ безпамятствѣ, въ слезахъ, съ разтрепанными власами и лицемъ смертельною блѣдностію покрытымъ, къ дѣвицѣ *Мезиракъ*: — нѣтъ, говоритъ, нѣтъ ты уничтожишъ сіе страшное жертвоприношеніе, мой вопль проникнетъ до внутренности твоего сердца; ахъ!

лю-

любезная тетушка, дражайшая благотворительница, не ужъ ли повлечешъ меня на казнь и на смерть? Воззри окомъ сострадальнымъ на слезы твоей нещастнѣйшей племянницы, умирающей у ногъ твоихъ. Смягчись и не принуждай меня принять таковое состоянїе, въ которомъ быть мнѣ не возможно; не думай и не бойся, чтобъ я просила отъ тебя супруга. Увы! моя чувствительность . . . тетушка, я не иной испрашиваю у тебя милости, какъ быть при тебѣ и въ твоихъ услугахъ; яви мнѣ сїю милость, я заплачу ее не одною признательностїю, но жизнїю моею.

Дѣвица *Мезиракъ* притворилась, будто не примѣтила состоянїя своей племянницы и будто ее не слыхала, но съ холоднымъ духомъ приказала готовится къ отъѣзду. Тогда гнѣвъ, ярость и отчаянїе овладѣли дѣвицею *Домерваль*: — такъ вы словъ моихъ не слушаете и къ жалости не приклоняетесь, видя меня въ слезахъ у ногъ вашихъ издыхающую . . . изрядно, такъ вѣдайте же я нейду въ монастырь,

куда вы хотите меня заключить; мнѣ не возможно покориться вашей волѣ и я желаю лучше стократно умереть! по семъ вознамѣрясь открыть ей свою тайну, продолжала съ жаромъ: нѣтъ, я не могу вамъ въ семъ повиноваться, не послушаю васъ. Я вамъ повторяю еще разъ, что причины, кои мнѣ запрещаютъ уступить вашей жестокости, суть непреоборимы: вѣдайте . . .

При семъ словѣ дѣвица *Домерваль* остановилась, не могши рѣшиться, что бы увѣдомить свою тетку о семъ толь важномъ препятствіи, которое возбраняетъ ей посвятить себя олтарю. Дѣвица *Мезиракъ* не подозрѣвала ни какихъ другихъ причинъ непослушанія племянницы своей кромѣ простаго упрямства, которое преодолѣть не трудно. Между тѣмъ многіе женщины изъ ея содружества къ ней пріѣхали. *Розалія* тогда потеряла всю свою бодрость, и непосмѣла въ присудствіи свидѣтелей открыть ей тайны, которую однако нужно было исповѣдать.

Она

Она вышла оттуда, и не зная гдѣ скрыть смятенїе свое, проходила въ горестной задумчивости тотъ самый садъ, въ коемъ иногда она видала съ кормилицею своего сына и гдѣ великое множество тогда прохаживалось людей знаменитѣйшихъ въ городѣ. Но какое вдругъ зрѣлище поражаетъ *Розалїю*! женщина, которая ходила за ея сыномъ и которая нѣсколько уже времени неявлялась въ садъ, тутъ страннымъ какимъ то случаемъ вдругъ очутилась. Она переходила черезъ не большой мостикъ, которой составленъ былъ изъ ветхихъ досокъ. Одна изъ сихъ досокъ подломилась и женщина съ сыномъ *Розалїинымъ*, которой былъ у нее на рукахъ упала въ преглубокой прудъ. Какой вдругъ вопль и крикъ поражаетъ всѣхъ слухъ: ахъ ето мой сынъ! ето мой сынъ, кричитъ въ безпамятствѣ, не скромная дѣвица *Домервалъ*. Весь народъ обращаетъ глаза свои на ея; она кидается въ воду, повторяя съ тѣмъ же восторгомъ матерней любви: ахъ! ето мой сынъ. Помогите бѣдному моему сыну . . . онъ погибаетъ. Ихъ вытащили всѣхъ трехъ

почти безчувственныхъ; но однакожъ всѣ были живы и скоро очувствовались. Весь городъ окружалъ тутъ нѣкоторымъ образомъ *Розалїю* и въ одну минуту узнали всѣ, что она была мать и что младенецъ ей принадлежалъ.

Разпространившейся слухъ дошелъ тотчасъ до ушей дѣвицы *Мезиракъ* и она неумедлила прїѣхать туда со всею яростїю своего неистовства. *Розалїя* между тѣмъ старалась о своемъ сынѣ и согрѣвала его при своей груди. Тетка ея забывъ мѣсто, гдѣ она была и многолюдство ихъ окружающее, кинулась подобно фурїи на свою племянницу и хотѣла, казалось разтерзать ее, но бѣшенству ея въ томъ возпрепятствовали: о! такъ вотъ что, непотребная, причиною твоего постыднаго упрямства! изрядно, пускай же въ наказанїе твое весь свѣтъ будетъ свидѣтелемъ твоего безславїя; сей младенецъ безъ сомнѣнїя есть плодъ твоего распутства съ *Фременвилемъ*. Тогда *Розалїя*, вознесшись выше своего пола и самой себя и имѣя на рукахъ своего сына,

раска-

расказала въ слухъ свое приключенїе, обнародовала страсть свою къ *Монталману* и священника не только передъ всѣми въ томъ оправдала, но и повѣдала ясно всѣ его благодѣянїя, кои онъ ей оказалъ. Вся многочисленная толпа чудилась тому, проливала съ нею слезы и всѣ единодушно ее защищали. Сїе самое сострадание, было мѣрою негодованїя, которое воздвиглось въ сердцахъ каждаго противу дѣвицы *Мезиракъ*. *Розалїя* шла робкими стопами къ своей теткѣ, которая безъ жалости выгнала ее изъ своего дома, осыпавши безчисленными ругательствами; и такъ ей не оставалось другова пристанища, какъ итти и укрыться у той самой женщины, которая воспитывала ея сына.

Всѣ сїи толико разнообразныя явленїя послѣдовали вдругъ и скоропостижно. Дѣвица *Домервалъ* вышедши изъ сей мятежности произшествїй, изъ коихъ одно другаго необычайнѣе, находилась при своемъ сынѣ въ крайнемъ изнеможенїи, которое приближало ее къ кончинѣ; на конецъ она открыла очи свои и

возвела ихъ на небо; *Фременвиль*, которой ожидалъ уже опамятованія ея, тотчасъ подбѣжалъ къ ней; сія нещастная узнавши его возтрепетала: — вотъ до чего довела меня горячность матерняя? Я покрыта стыдомъ, мое безславіе теперь въ устахъ и предъ глазами каждаго; все сіе безчестіе несу я для моего сына; при семъ изреченіи предалась она терзанію мрачнѣйшаго отчаянія. Послушайте, сказалъ ей *Фременвиль*, послушайте меня; вы теперь уже признаны матерью, и безъ сомнѣнія честь свою утратили предъ глазами общества; но постарайтесь изъ сего самаго безславія составить себѣ утѣшеніе, оплакивая свое прегрѣшеніе, испрашивая у небесъ прощенія винѣ вашихъ напастей; научитесь ихъ сносить и займитесь симъ только однимъ предмѣтомъ. Вы теперь мать, и такъ не стыдитесь исполнять матернія должности; принесите въ жертву природѣ и творцу то бещестіе, которое васъ въ мірѣ ожидаетъ; имѣйте безъ боязни въ объятіяхъ своихъ вашу отрасль, не лишите его своего попеченія и думайте, что вы

для

для него единственно живете, тогда небеса воззрѣвъ на сей ужасный опытъ и на ваше сокрушенiе, преклонятся къ вамъ. Кто умѣетъ образъ мыслей и народныя рѣчи порабощать должности своей и ни о чемъ не помышляетъ, какъ о томъ, какъ бы угодить богу, тотъ надежно можетъ уповать на его благоволенiе и здѣлается прiятнымъ сему высочайшему существу, сохранивши предписанныя намъ отъ него заповѣди, изъ коихъ первѣйшая есть гласъ крови. Еще разъ повторяю вамъ, неопасайтесь быть матерью, и довольствуйтесь тайнымъ сердца вашего одобренiемъ, содѣлайте изъ вашего порожденiя мужа великодушнѣйшаго, гражданина достойнѣйшаго служить своему отечеству, христiанина исполненнаго благочестiя, которой загладилъ бы вашъ проступокъ; впрочемъ я вамъ отвѣтствую, что творецъ благоутробный воззритъ на васъ благотворительнымъ окомъ. Не взирая на оказываемое вамъ въ мiрѣ презрѣнiе пожертвуйте вѣчному благотворителю вашимъ уничиженiемъ и его безпредѣльное милосердiе все воздастъ

 вамъ.

вамъ. Богъ не есть ли чадолюбивѣйшій отецъ?

Таковыми и симъ подобными разсужденіями достойнѣйшій пастырь оживотворялъ въ *Розаліи* крѣпость духа. Она сыскала въ истинномъ благочестіи свое утѣшеніе и все прочее презрѣла; но сіи чувства соболѣзнованія, кои она къ самой себѣ возымѣла, тотчасъ охладѣли. Можно сказать, что сила естества ощущается въ первыя только минуты; по дальнѣйшемъ же размышленіи люди опять ожесточаются и дѣлаются злонравными; позорище *Розаліи*, приносящей на жертву свою честь единственному желанію, чтобъ спасти своего младенца, скоро перестала со всѣмъ взоръ ихъ поражать. Должно вѣрить сей толико жестокой истиннѣ, что доброта въ сердцѣ человѣческомъ, не что иное есть, какъ движеніе скоро преходящее, напротивъ чего злоба въ немъ не измѣняема? Весь народъ толико бывъ жалостенъ, толико преклоненъ къ матери и сыну, принялъ паки свое хладное равнодушіе, свою лютость, свои вздорныя и нелѣпыя мнѣ-

мнѣнія, или лучше сказать, принялъ гнусныя свои предразсужденія, словомъ сказать, жестокость пресилила всѣ чувствія соболѣзнованія. Разсужденія же дѣвицы *Мезиракъ* и ей подобныхъ, превышали вопль природы и дѣвица *Домерваль* повсюду была предмѣтомъ посмѣшища и презрѣнія; всѣ ее убѣгали, какъ препницы, даже и тѣ, которые сами достойны были укоризны, поносили ее и указывали на нея перстами. Какое страданіе для души чувствительной! *Розалїя* ни единаго изъ сихъ мученій не миновала; сердце ея отверсто было всѣмъ пораженіямъ. Наконецъ она вознамѣрилась пожертвовать всѣмъ природѣ и признаться торжественно матерью и матерью нежнѣйшею; ея тетка остерегалась съ крайнимъ раченіемъ, чтобъ не измѣнить своему непреклонному нраву и отказывала ей въ самомалѣйшемъ вспоможеніи. Такимъ образомъ *Розалїя* принуждена была препровождать жизнь свою (не должно умягчать выраженій) подаяніемъ, приносимымъ ей не подражаемымъ священникомъ, которой повергался самъ въ нищету, стараясь

вспомоществовать ей и чѣмъ болѣе зрѣлъ ее смиряющуюся подъ игомъ горести и терпѣнія, тѣмъ болѣе оказывалъ ей уваженія, почтенія и благодѣянія. Повѣрте мнѣ, говорилъ онъ ей, ето самый высочайшій подвигъ добродѣтели, когда мы съ твердостію души и въ должности христіанской жертвуемъ собою уничиженію и всѣмъ прерѣканіямъ земнымъ; вы теперь раскаялись, ваши сокрушенія искренни; и такъ не думайте, чтобъ господь толико благоутробный неотпустилъ вамъ прегрѣшенія вашего; онъ милосердуетъ о васъ и созерцаетъ всѣ поношенія, собравшіяся надъ главою вашею. Не лучше ли для васъ быть предмѣтомъ поруганія всево города и всей вселенной, нежели присовокупить ужаснѣйшее злодѣйство къ вашей слабости, которая есть дѣйствіе легкомысленной и неискусившейся юности? убійство! убійство своего сына! таковое тяжкое преступленіе оскорбляетъ природу и возбуждаетъ неутолимый гнѣвъ творца. Еще разъ повторяю и молю васъ, нестыдитесь быть матерью; вы обрящете мзду вашу во внутренности

ности вашего сердца; а сего уже къ удовольствiю вашему и довольно. Впрочемъ естьли вы оставите сiе жилище и смерть похититъ вашу родственницу, то вы лишитесь наслѣдства, котораго должно вамъ желать для вашего сына и я, будучи отъ васъ въ отдаленiи, не могу тогда быть вамъ полезнымъ; мои слабыя услуги . . . — понимаю, вы мнѣ говорите о моемъ сынѣ! ахъ! я всему послушествую и готова на все для него отважиться; дражайшiй и почтенный благотворитель, ради сего бога, коего я прогнѣвила, не покиньте насъ.

И такъ дѣвица *Домерваль* въ послѣдствiи учинилась образцемъ терпѣнiя и непоколебимости. Повсюду встрѣчали ее съ сыномъ, смиренну, униженну, имѣющую видъ прискорбный безо всякой подлости, и достойный не только сожалѣнiя но и почтенiя. Таковымъ то образомъ стали на нея взирать въ семъ самомъ городѣ, въ коемъ многократно покушались ее злословить. Добродѣтель торжествуетъ всегда наконецъ; нещастiя искушаютъ

лишъ

лишь ее издѣлавъ чрезъ то любви и почтенія достойнѣе, придаютъ ей новой блескъ и сіяніе; участіе, которое она вперяетъ къ себѣ, возрастаетъ по мѣрѣ нещастій ею испытанныхъ. Всѣ единодушно сожалѣли о дѣвицѣ *Домерваль* и всѣ едиными устами похваляли въ ней горячность материю.

Одна лишь тетка ея во гнѣвѣ своемъ пребывала неукротима; она почитала сіе за надежнѣйшее средство достигнуть до высочайшей степени добродѣтели, и для того отвергала упорно всѣ прошенія и представленія о ея племянницѣ, имѣя сіе одно непрестанно въ устахъ, что она изъ любви христіанской и для добраго примѣра, желала бы отъ всего сердца, чтобъ *Розалія* и съ сыномъ своимъ умерли съ голоду; сіе послужило бы, говорила она наставленіемъ легкомысленному юношеству, которое безъ опасенія предается заблужденіямъ толико уничижительнымъ; она описывала повсюду племянницу свою самыми непотребнѣйшими красками. Благодарю всевышняго, говорила она непре-

стакно

станно, что я ни мало не чувствую жалости къ сей гнусной и презрѣнной твари, хотябъ она съ голоду умирала, то я и тутъ не дамъ ей ниже куска хлѣба. Надобно, чтобъ порокъ имѣлъ явное наказанїе и соразмѣрное причиненному имъ соблазну. Раскаянїе не во всѣхъ проступкахъ заслуживаетъ прощенїе и сей есть точно изъ числа такихъ злодѣйствъ, которыя божїю правосудїю должно отомщевать безпощадно; и одна мысль о замужествѣ меня уже оскорбляетъ; то какъ я могу снести своевольственную распутность? О! нѣтъ, нѣтъ пускай она умретъ подъ игомъ бѣдствїя и воспрїиметъ вѣчную казнь, достойную такого злодѣянїя.

Сїи толь жестокїя разсужденїя, всемѣрно происходившїя не отъ истиннаго богопочитанїя, доходили отвсюду до *Розалїи*, но она обливалась лишъ горькими слезами и съ кротостїю отвѣтствовала, что она заслуживаетъ всѣ сїи поступки ея тетки, сколь они ни безчеловѣчны.

Священникъ часъ отъ часу усугублялъ свои услуги и старанїя объ

ней

ней; а дѣвица *Домерваль* уединясь въ своей избенкѣ, приличной ея состоянїю, усиливалась сколько можно облегчать бремя, которое возложилъ на себя великодушнѣйшїй пастырь; она дни и ночи препровождала въ трудахъ, упражняясь въ шитьѣ, которое однакожъ не смотря на ея прилѣжность, весьма слабую приносило ей подмогу. Между тѣмъ, она неспускала почти глазъ съ своего сына и держа его въ объятїяхъ своихъ, орошала его слезами, приносила предъ нимъ жалобы свои какъ бы онъ былъ въ состоянїи ея внимать: — дражайшее дитя! вотъ воздаянїе за мою къ тебѣ любовь! презрѣнїе, незагладимый стыдъ и безславїе, мое безславїе, которое влечетъ меня во гробъ и составитъ по мнѣ память мою. Оно будетъ твое наслѣдїе; ты останешся въ сиротствѣ, безроденъ и безпомощенъ. Ты не имѣешъ у себя отца и не будешъ имѣть утѣшенїя знать его и носить на себѣ его имя. Ахъ! *Монталманъ*, *Монталманъ*, заслужила ли я толь тяжкое наказанїе? тово ли нѣжность моя должна была ожидать отъ тебя? и сїя неща-

стная любовь еще неугасла! какъ! мнѣ еще любить и пылать тобою, когда я лишена всякой надежды, когда ты находишься уже въ объятїяхъ другой! такъ, я ето повсечастно зрю въ моихъ мысляхъ; ты изгналъ и отвергъ уже на вѣки твою законную супругу и твоего сына, увы! твоего сына! сей нещастный раздѣляетъ со мною бѣдность мою, мученїя и мое безславїе; онъ покрытъ будетъ мерзостїю, въ которой я погружена; увы! естьлибъ хотя уже я одна страдала и умирала повсечастно; а то и сїе невинное созданїе, кое ни какова не имѣетъ участїя въ моей слабости и моемъ заблужденїи, должно такъ же нести со мною всю жестокость моей казни; возлюбленный мой сынъ, и самое воспоминанїе обо мнѣ будетъ для тебя ненавистно; могу ли я снести таковое изображенїе? быть ненавидимой и презираемой моимъ собственнымъ порожденїемъ! о боже мой! ты единая въ напастяхъ моихъ отрада и покровъ, я въ твои священнѣйшїя повергаюсь нѣдра, повѣдай мнѣ, что со мною будетъ? и какая тобою уготована мнѣ участь? Дѣ-

Дѣвица *Мезиракъ* неизмѣняла своей непреклонности. Ея здоровье часъ отъ часу умалялось; но ненависть къ своей племянницѣ пребывала во всей своей жестокости. *Фременвиль* видя сіе положилъ намѣрѣ нѣкое предпріятіе, которое и хотѣлъ исполнить, какъ скоро обстоятельства дозволятъ; но услышавъ, что дѣвица *Мезиракъ* больше разнемогается и что по жестокосердію своему отрѣшила отъ наслѣдства свою племянницу, несмотря на представленіе духовныхъ, коимъ поручено было исполненіе завѣщанія, рѣшился не размышляя далѣе оказать *Розаліи* сей новый знакъ своей благотворительности; онъ пошелъ къ больной и не сказывая ей о себѣ, пробрался въ самую спальню, гдѣ она лежала окруженная тогда духовенствомъ. Что я слышалъ, сударыня? сказалъ онъ, вошедши къ ней, ахъ! нѣтъ, ето не збудется; мои собратія, коихъ я къ величайшему удовольствію моему здѣсь нахожу, помогутъ мнѣ конечно учинить вамъ напоминовеніе, естьли смѣю такъ сказать вашего долга. — моего долга, отвѣчала

больная, въ которой гнѣвъ казалось оживотворилъ силы, что вы хотите мнѣ чрезъ то сказать, государь мой? мнѣ кажется вы принимаете на себя защищенїе безстыдства и преступленїя; вы конечно забыли худой успѣхъ вашего миротворства; и такъ прошу васъ, оставте меня умереть въ покоѣ — нѣтъ сударыня, вы не отрѣшите ее отъ наслѣдства . . . — мои законныя наслѣдники суть нищїе, кои меня ничѣмъ неоскорбили; я отказала мое имѣнїе убогимъ въ богадѣльнѣ . . . они то суть мои сродники и наслѣдники. И такъ все, что я могу здѣлать во угожденїе вашего покровительства, есть то, что я прошу и молю бога, чтобъ онъ показалъ въ ней примѣръ, дабы глядя на нее другїе казнились и чтобъ онъ изключилъ ее на всегда изъ числа тѣхъ, коимъ онъ являетъ свои милости; ибо она по винѣ своей того достойна; а вы, государь мой какую представляете здѣсь особу? особу, сударыня истиннаго христїанина, имѣющаго душу чувствительную и въ сїю самую минуту о пользѣ вашей пекущагося. Я не думаю, чтобъ

чтобъ и сїи господа тово же вамъ не говорили, да имъ иначе и говорить не льзя; и съ какими же вы, скажите, чувствованїями готовитесь предстать предъ богомъ, предъ грознымъ судїею? или вы не знаете, что мщенїе предъ его очами есть грѣхъ непростительный? послушайте, я хочу повѣдать вамъ истинну. Я неустыжусь открыть того предъ симъ почтеннымъ собранїемъ. Вы писали на меня къ Епископу письмо, исполненное клеветы оскорбительной и хотѣли меня погубить, но я молю всевышняго, чтобъ онъ вамъ отпустилъ ваше согрѣшенїе, такъ какъ я вамъ онсе отпускаю; неопасайтесь со стороны моей ни малѣйшей укоризны. Я хочу еще сверхъ того показать вамъ убѣдительный опытъ моей къ вамъ привязанности, пришедъ предъ вами, возвѣстить гласъ природы и благочестїя. Вы говорите мнѣ о бѣдныхъ; но ваша племянница, которая теперь находится въ крайней нищетѣ, не первая ли должна быть предмѣтомъ вашея щедроты? все поборствуетъ по ней, и человѣчество, и законъ, и богъ; такъ, самъ богъ вамъ сїе повелѣваетъ

лѣваетъ; ибо онъ соединилъ васъ узломъ крови; онъ положилъ различїе въ людяхъ, которое должны вы уважать и въ самомъ раздѣленїи вашихъ благодѣянїй; не уже ли допустите вы, сударыня, чтобъ ваша племянница и съ сыномъ своимъ окончили дни свои изнуренныя гладомъ, или бы скиталисъ по распутїямъ, прося милостыни къ бѣдственному прокормленїю своему. Ибо таково есть состоянїе сей нещастной, которой бѣдность моя помогать болѣе недозволяетъ; я сїе вамъ объявляю съ пролитїемъ искреннихъ слезъ моихъ и ожидаю съ неизреченною радостїю, чтобъ вы раздѣлили со мною сострадание . . . . Я вамъ дозволяю сударыня, почитать, въ несчастной *Розалїи* самое послѣднѣйшее созданїе и я ничего отъ васъ инаго не требую, какъ тово сожалѣнїя, котораго не возможно неоказать и самому врагу нашему, когда онъ простираетъ къ намъ просящїя руки и ждетъ отъ насъ дневнаго пропитанїя; повинные длани вашей племянницы къ вамъ престерты; они васъ умоляютъ и отъ васъ ожидаютъ помощи; сїе съ при-

прискорбїемъ души моей вамъ извѣщаю, а вы и слушать нехотите.

Всѣ духовные тутъ присовокупились къ *Фременвилю*, которой падъ предъ нею на колѣни, просилъ за нещастную *Розалїю*; но она обуявъ жестокостїю, подняла преужасный крикъ. — Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу прогневать творца, одобривши порокъ благодѣянїемъ; у меня нѣтъ больше племянницы, нотарїусъ принялъ отъ меня послѣднюю волю и я не перемѣню изъ того ни слова, еще разъ повторяю вамъ, государи мои, что я для пользы, вѣры и честности, не отступлю отъ моего положенїя. Ахъ! берегите, тѣтушка, берегите ваше имѣнїе у себя, вскричала взбѣжавшая вдругъ женщина съ младенцемъ на рукахъ и повергшаяся къ ногамъ болящей, разполагайте имъ по своему благоразсмотрѣнїю, творите изъ него подарки, кому вамъ угодно: но по малой мѣрѣ не мучте меня вашею ненавистїю; ваше проклятїе для меня ужасно; (по семъ показывая ей своего сына, продолжала) я вамъ представляю сїе бѣдное творенїе при-

носящее

носящее слезы, моленія и раскаянія матери его; тетушка, ради бога, перестаньте меня ненавидѣть и чтобъ ваше послѣднее дыханіе ...

При семъ жалостномъ видѣніи дѣвица *Мезиракъ* хотѣла нѣчто говорить; можетъ быть настала та минута, въ которую природѣ возторжествовать надлежало, но вдругъ поднялись у нее жестокія судороги и она скончалась.

Не трудно кажется угадать, что *Фременвиль* былъ причиною сего незапнаго явленія *Розаліи*, которое однакожъ осталось безплодно; незапная смерть тетки ея лишала ее послѣдней надежды, поелику отрѣшеніе ея отъ наслѣдства было уже здѣлано. Она выведена была съ своимъ сыномъ изъ покоевъ безъ малѣйшаго пособія ея бѣдности и не зря вокругъ себя ничего, опричь одной, естьли можно такъ сказать, неизмѣримости печалей, къ усугубленію коихъ она не знала еще и того, хотѣла ли тетка ее простить, или въ томъ ожесточеніи и скончалась. Сія мысль умножила ея отчаяніе, а особливо когда примѣтила еще, что ея благотворитель снѣдаемъ

былъ мрачною грустью и тоскою, которыя тщетно силился отъ нее скрывать; иногда находила она его имѣющаго глаза наполненные слезами и какъ будто противъ воли своей стенящаго; примѣтила такъ же и то, что когда она представлялась его взорамъ, то вдругъ показывались въ немъ движенія изъявляющія мучительное состояніе встревоженной души его: — что вамъ здѣлалось, дражайшій мой благотворитель и единственный мой другъ? — ничего, сударыня . . . опричь того, что я соболѣзную объ вашей участи; вотъ вся наша надежда изчезла! безчеловѣчіе вашей родственницы . . . а! я бы хотѣлъ . . . но . . . я страшусь . . . — ахъ! какимъ вы еще хотите сразить меня ударомъ? небойтесь мнѣ открыться . . . вы смотрите на меня, возводя очи ваши на небо! слезы не произвольно текутъ изъ очей вашихъ . . . повѣдайте мнѣ благотворитель мой тайну вашихъ печалей; я никогда не видала васъ въ толикомъ прискорбіи . . . ахъ ето я, ето конечно я причиною вашихъ горестей! — не преставайте, сударыня, проливать вашихъ мо-

литвѣ ко господу . . . на него токмо единаго осталася вамъ теперь надежда; такъ, на единаго точїю бога, должно намъ возложить ваше упованїе; нѣтъ вамъ болѣе защиты на земли . . . а я едва въ силахъ уже вамъ вспомоществовать.

Фременвиль при семъ словѣ устремилъ глаза свои на *Розалїю*; по томъ отвергнулся въ сторону и началъ проливать горкїя слезы.

Дѣвица *Домерваль*, не смотря на усильныя свои прошенїя, не могла въ обьясненїе получить отъ него ни слова. Наконецъ прибѣгла она опять къ тому престарѣлому служителю, которой открылъ ей, какимъ средствомъ дѣвица *Мезиракъ* хотѣла погубить *Фременвиля* въ мысляхъ у Епископа: — другъ мой, сказала ему, я къ тебѣ опять прибѣгаю. Твой господинъ, мнѣ кажется, таитъ отъ меня печаль глубоко въ сердцѣ его сокрывающуюся. Я просила и заклинала его, чтобъ онъ мнѣ изъяснилъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ единымъ лишъ молчанїемъ и сїе самое уже не мало знаменуетъ. — ахъ! сударыня, отвѣтствовалъ служитель, мы въ жалкомъ теперь

находимся состоянiи; мой господинъ, вы знаете, весьма услужливъ; онъ безмѣрно тронутъ вашимъ состоянiемъ; но его собственное не лучше вашего ... я не смѣю вамъ болѣе сего сказывать; онъ заказалъ мнѣ накрѣпко, чтобъ я сiю тайну ни кому не открывалъ и наипаче вамъ.

Розалiя усиливаетъ тутъ свои прозьбы и понуждаетъ сего добросердечнаго служителя открыться, которой убѣдившись на конецъ склоняется: — я согласенъ, сударыня, открыть вамъ причину скорби, которая неминуемо вгонитъ во гробъ моего господина: но съ тѣмъ, чтобъ вы мнѣ не измѣнили и никогдабъ ему о томъ не сказывали, въ противномъ случаѣ онъ меня отошлетъ отъ себя. Ибо онъ крайне опасается, чтобъ вы печали его не примѣтили; представте себѣ, что онъ изтощилъ всѣ свои силы, вспомогая вамъ, вошелъ для васъ въ долги, за которые теперь заимодавцы его ищутъ, продалъ большую часть своихъ пожитковъ и какъ онъ не хочетъ, чтобъ его бѣдные прихожане отъ того потерпѣли, то все то, чѣмъ вамъ помогаетъ, снялъ онъ на себя, такъ, что мы иногда

ли-

лишаемся самонужнѣйшаго; но все сїе однакожъ не столько его безпокоитъ, какъ страхъ, чтобъ не попасться въ руки тѣмъ свирѣпымъ тиграмъ, кои здѣлали ему ссуду. Ибо хотя мой господинъ и любимъ, но корысть не знаетъ ни уваженїя, ни дружбы и потому должно заплатить необходимо; но какимъ образомъ? и чѣмъ? О! боже мой! *Розалїя* вскричала! господинъ *Фременвиль* пришолъ для меня въ толь жестокую крайность! — такъ, не ложно сударыня . . . — другъ мой . . . другъ мой, я не измѣню тебѣ, я знаю что мнѣ дѣлать . . . я . . . такъ я должна тому покориться.

Когда дѣвица *Домерваль* возвратилась въ свое жилище, то ея серце стѣсненное печалїю тотчасъ разширилось — какъ! говоритъ она сама себѣ, уже ли напасти мои возрасли до того излишества, что мужъ толико добродушный долженъ быть жертвою своей благотворительности? вотъ какъ я ему возблагодарила за его ко мнѣ услуги! онъ подпора моей жизни и моего сына, и толь недостойную мзду отъ насъ получитъ! все, что ни окру-

жаетъ меня, заражено стало ядомъ моего злополучія. Не должно ли почесть сего наиубѣдительнѣйшимъ знаменіемъ неблаговоленія небесъ. Богъ не хощетъ, чтобъ я существовала; онъ всемѣрно повелѣваетъ, чтобъ сынъ и мать изторгнуты были отъ среды живыхъ . . . . . Должна ли я сохранять жизнь мою противу его воли? она толико исполнена горести, скорби и поношенія! но мой сынъ, ахъ мой сынъ! я чувствую въ себѣ толико крѣпости, чтобъ ускорить мою кончину . . . . Но не станетъ силъ моихъ, нѣтъ не станетъ силъ моихъ сокрыть въ моемъ изтребленіи предмѣтъ горести моей . . . Она умножается съ моими мученіями . . . Ахъ! что я изрекла? поднять на себя руки и на то твореніе, которое я люблю паче самой сябя! нѣтъ я не учиню подобнаго злодѣйства. Сія гнусная мысль и прежде во мнѣ зараждалась, но небеса умъ мой просвѣтили; я была наказана и въ семъ почитаю святыя ихъ уставы; имъ угодно стало, чтобъ я и мой сынъ умерщвлены были гладомъ и я послушествую въ томъ моей судьбинѣ; умремъ въ объятіяхъ

другъ

друга друга. Но когда бы всевышній промыслъ благоволилъ извлещи во первыхъ мою душу, а по томъ уже моего сына, чтобъ по малой мѣрѣ избѣгнуть мнѣ мученія видѣть его томящагося и издыхающаго.

Сія толико достойная соболѣзнованія женщина, въ слезахъ и въ горести собравши всѣ свои пожитки: — я буду, говоритъ, имѣть стольво твердости, чтобъ исполнить сію жертву. Пойдемъ, не станемъ долго размышлять, поспѣшимъ вытти изъ сего города; понесемъ сіе ужасное бѣдности нашей позорище въ тѣ мѣста, гдѣ по малой мѣрѣ насъ не знаютъ.

Въ сію то жестокую минуту *Фременвиль* застаетъ дѣвицу *Домерваль*: — Что вы дѣлаете, сударыня? что значитъ сіе пріуготовленіе, которое кажется отъѣздъ вашъ показуетъ? и я васъ вижу въ слезахъ! — ахъ! отче мой, мужъ достойнѣйшій! . . . я извѣстилась обо всемъ; вѣдаю, что я причиною вашего смятенія и печали. Уже время прекратить ваши великодушнѣйшія благодѣянія; я не могу ихъ болѣе во зло употреблять; — мои благо-

дѣянія!

дѣянія! ахъ! сударыня, что вы говорите? то самая малость, что я для васъ здѣлалъ! . . . ваша чувствительность и ваша признательность меня бы съ лишкомъ наградила, когда бы я столько былъ щастливъ, чтобъ могъ оказать вамъ истинную услугу. Что можетъ сравниться съ удовольствіемъ одолжать толико несравненную душу, какова есть ваша? всѣ безпокойствія мои съ избыткомъ были бы заплачены, естьлибъ я могъ усладить горестную вашу судбину.

Между тѣмъ *Розалія* въ слезахъ повергается къ ногамъ его: — безполезно мнѣ, говоритъ она, скрывать отъ васъ причину моей скорби; я вѣдаю крайность, въ которую вы моимъ нещастіемъ приведены; такъ, я васъ оставляю, оставляю сіи мѣста и отхожу съ тѣмъ, чтобъ николи не возвращаться. Но повѣрте мнѣ, что ваши благодѣянія пребудутъ въ сердцѣ моемъ, до послѣдняго моего издыханія; въ прочемъ да воздастъ вамъ Всевышній за всѣ ваши обо мнѣ попеченія; ибо ему токмо единому возможно искупить меня — что вы говорите, сударыня?

Возможно ли, чтобъ вы оставили сіе жилище? нѣтъ, вы будете столько великодушны, что удостоите меня еще принятіемъ моихъ услугъ. — Ахъ! божественная душа! вскричала *Розалія* обливаючись слезами, можете ли вы послушествовать болѣе восхищеніямъ вашей благотворительности? или вы не слышите меня... я знаю все, чего я вамъ стою... И что заимодавцы васъ утѣсняютъ... (при семъ словѣ поблѣднѣлъ онъ и сказалъ нѣчто про себя) вы истинну почитаете до такого излишества, что нарушаете ее и такъ, позвольте мнѣ... позвольте отъ щедротъ вашихъ отрещись; ибо все сіе принадлежитъ вамъ и я со удовольствіемъ то вамъ напоминаю. Деньги, которыя я соберу изъ проданныхъ мною вещей, дозвольте, чтобъ я вамъ вручила, хоть то и слабая одолженіямъ вашимъ уплата. Я еще довольно понесу съ собою, чтобъ удалившися отъ моего отечества и отъ вашихъ глазъ, просить подаянія и потомъ скончаться... какое представленіе, но мнѣ другаго ничего не остается... я вамъ была въ тягость.

 Свя-

Священникъ положивши пожитки ея на мѣсто, былъ нѣсколько времени безмолвенъ, по томъ сквозь слезы отвѣчалъ ей: — вы признаетесь, почтенія достойнѣйшая нещастливица, что я оказалъ вамъ нѣкоторые знаки моей къ вамъ чувствительности, а сами одолжать меня перестаете? ахъ! не лишайте меня сего толико сладчайшаго удовольствія? повѣрте, что пріятнѣе подавать, нежели принимать; будте столь великодушны, и непохищайте у меня сего утѣшенія, кое токмо одно мнѣ и дозволено имѣть... Когда я помогаю нещастнымъ, то не что иное дѣлаю, какъ повинуюсь небесамъ, они васъ не оставятъ.... я вижу, что мой служитель поступилъ не скромно и такъ, успокойтесь сударыня; я получилъ въ теперешнее время довольную отъ моихъ родственниковъ сумму, которой станетъ, чтобъ заплатить мои долги, въ которые я вошолъ. Въ прочемъ вы не знаете сколь благость промысла объ насъ пекущагося неизмѣрима; онъ намъ вспомоществуетъ и вы будьте въ томъ увѣрены; я васъ люблю какъ сестру,

и какъ родную мою дочь; и такъ, обратимъ наше вниманіе и наши старанія совокупно, чтобъ возрастить вашего сына; воспитаемъ его въ училищѣ нещастія, дабы онъ былъ мужъ примѣрный великодушіемъ и благочестіемъ. Самъ Господь нашъ, не претерпѣлъ ли гоненія, поношенія и мученій? Возлюбленная дочь моя (ибо я напредки васъ неиначе буду называть) ополчись мужествомъ и ожидай всего отъ Всевышняго творца.

Увѣщанія и благодѣянія сего примѣрнаго мужа изъ духовенства укрѣпили на нѣсколько времени дѣвицу *Домерваль*; но она не могла не видѣть, что источники помощи священниковой истощены такъ, какъ и ея надежда. Такимъ образомъ сіи два толико добродѣтельныя и чувствительныя существа взаимно старались отдалять другъ отъ друга печали, которыя были имъ общія.

Однакожъ сердце *Розаліи* столько было на конецъ изнурено, что она едва могла уже и сносить. Ея сынъ, возрастая день отъ дня, становился пріятнѣе и любезнѣе и сіе болѣе еще усугубляло ужасность

 бу-

будущаго времени въ глазахъ сей нещастной жертвы печалей и горести. Сей сынъ, единственный предметъ всей ея горячности, представлялся безпрестанно мыслямъ ея въ жестокой и мучительной крайности, пронзаемъ убійственными стрѣлами нищеты и скудости, снисходящъ до уничиженія сопряженнаго съ симъ поноснымъ ползаніемъ къ побужденію людей на жалость, лишенъ всякаго вспоможенія, издыхающъ отъ глада и печали въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ; таковое воображеніе ввергало ее въ крайнее отчаяніе.

На конецъ природа, дѣлавшая толико усилій, ослабѣла. Крѣпость и здравіе *Розаліи* уступили толь безчисленнымъ нападеніямъ и она, тщетно боровшись, принуждена была слечь въ постелю; все тогда ее удручало; она зрѣла предлежащій предъ собою гробъ и сына своего лишеннаго матери; ибо, кто могъ бы заступить оныя мѣсто.

Въ семъ то состояніи приближающемъ къ ничтожеству, нашолъ *Фременвилъ* дѣвицу *Домерволь*; — о! боже! давно ли, сударыня, вы въ толь жестокой болѣзни? и вы отъ

меня

меня скрывали; — мой единственный другъ, уже я съ лишкомъ открывала вамъ мои напасти и всѣ подробности плачевной моей судбины: не довольно ли я употребляла во зло вашу благотворительность или лучше сказать ваше человѣколюбіе? ибо сіе одно токмо въ свѣтѣ чувствіе прилично мнѣ теперь возбуждать къ себѣ и должно, чтобъ уста мои произносили съ напряженіемъ всѣхъ силъ сіе выраженіе, толико чувствительное моему сердцу. Я хотѣла, не упреждая васъ, освободить отъ скучной тяжести васъ обременяющей; ибо чувствую, что мнѣ жить осталось не много, а думала только оставить къ вамъ письмо . . . и просить еще вашего милосердія о моемъ сынѣ, которой, опричь васъ, никакой подпоры не имѣетъ. Сіе есть одно утѣшеніе, кое я желала бы испросить у небесъ, прежде нежели глаза мои закроются . . . но ты плачешь, мужъ божественный! я заставила тебя раздѣлять мои нещастія и всѣ напасти съ моимъ жребіемъ сопряженныя; одно лишь несказанно мучитъ меня, что я, теряя жизнь мою, не

принесла вамъ моей признательности. Но вы мнѣ изобразили Бога толико благимъ, что я дерзаю льститъ себя, что онъ вамъ за меня заплатитъ. — Какъ! сударыня, природа и вѣра не могли васъ подкрѣпить и утѣшить? а сынъ вашъ . . . — ахъ! онъ то меня и приводитъ къ моей кончинѣ! картина предстоящихъ и впредь ожидающихъ его бѣдствій, вотъ что меня сразило. Дражайшій мой благотворитель! мнѣ извѣстно плачевное ваше состояніе; я вѣдаю, что вы жертвуете собою для насъ, то по малой мѣрѣ одинъ токмо нещастный останется на вашемъ попеченіи, котораго я вамъ препоручаю, какъ самому Богу. Безъ сомнѣнія ево есть на то воля, чтобъ жизнь моя пресѣклась, но не ужъ ли гнѣвъ его простиратся будетъ и на моего сына? . . . ахъ! прости о боже мой симъ жалобамъ . . . я уже и то безъ числа тебя прогнѣвляла . . . достойнѣйшій *Фременвиль*! я теряю разсудокъ и надежду теряю; я умираю . . . умираю . . . но да будетъ живъ мой отрокъ.

Священникъ, удерживая слезы свои, старался утѣшить ее симъ

кра-

краснорѣчїемъ душъ чувствительныхъ, которое столько имѣетъ владычества надъ сердцами: — мое усердїе, сударыня, вамъ извѣстно; въ какой бы скудости я ни былъ, но могу всегда сыскать средство быть полезнымъ вашему сыну, котораго я почитаю моимъ собственнымъ. Будьте увѣрены, что Господь насъ никогда не покидаетъ; я согласенъ съ вами въ томъ, что онъ иногда подвергаетъ насъ ужаснѣйшимъ опытамъ; но должно вѣрить, что конечно правосудїе отъ его благости того требовало. Въ прочемъ же имѣйте твердую надежду, что поздо или рано его милосердїе къ намъ явится; поелику нещастїямъ положенъ отъ него предѣлъ. Живи дражайшая дочь моя, и уповай надежно . . . — Почтенный другъ мой и отецъ, для чего намъ таить? Я чувствую, что я приближаюся къ концу; и такъ не станемъ говорить болѣе о земномъ, но обратимъ душевныя наши очи къ небеснымъ селенїямъ, говорите мнѣ о Богѣ и его милосердїи. Мои слезы и мои ужаснѣйшїя напасти не уже ли еще не утолили его гнѣва? вы до сего

часа

часа изтощали свои ко мнѣ благодѣянїи, а нынѣ излейте на меня миро утѣшенїй; они мнѣ нужны, ибо признаюсь вамъ, что мнѣ тяжко разлучиться съ вами и съ моимъ сыномъ, котораго ежели повергаю въ ваши нѣдра, то единственно для того, что по малой мѣрѣ сїе бѣдное творенїе не умретъ съ голоду.

Умирающая остановляется на семъ словѣ, прижимаетъ своего сына къ грудямъ, орошаетъ его слезами и покрываетъ своими поцѣлуями, потомъ опять продолжаетъ: — я думаю, что я его ето цѣлую въ послѣднїй разъ . . . естьли же, о мужъ великодушнѣйшїй! получишь какое извѣстие . . . — о чемъ вы мнѣ хотите говорить? сударыня, . . . ахъ! вы должны меня понимать; увы! мнѣ надлежало бы забыть, но онъ отецъ сего нещастнаго сироты. Естьли вы объ немъ извѣститесь . . . о! Боже мой! должно ли, чтобъ сїя любовь не прежде истребилась изъ моего сердца, какъ съ моею жизнїю? почтенїя достойнѣйшїй *Фременвиль*, мое состоянїе плачевно! ты видишь предъ собою женщину, осужденїя достойнѣйшую; ибо я и до

днесь

днесь еще люблю . . . и вижу непрестанно *Монталмана* . . . пекущагося о своемъ сынѣ; съ сего часа я ему прощаю всѣ имъ причиненныя мнѣ напасти . . . онъ повергъ меня въ крайнее нещастіе.

Здѣсь гласъ дѣвицы *Домерваль* пресѣкся; весь ужасъ смерти по лицу ея разпространился; устрашенный младенецъ поднялъ вопль и метался къ своей матери. *Фременвиль* началъ подавать ей помощь и читать отходную молитву.

Въ сіе самое время входитъ съ смущеніемъ и торопливостію нѣкій молодой человѣкъ, имѣющій видъ довольно привлекательный: — я ищу, говоритъ онъ вошедъ, жилища дѣвицы *Домерваль* . . . мнѣ сказывали . . . гдѣ она? . . . гдѣ она? — священникъ подняль голову и слезами обливаясь сказалъ · увы! дѣвица *Домерваль* . . . вы видите ея . . . — какъ! — она умираетъ. Она умираетъ, вскричалъ незнакомой тотчасъ повергшися на ея постелю; возлюбленная моя *Розалія*, продолжалъ онъ и здѣлался безгласенъ. О небо! сказалъ *Фременвиль*, такъ ето вы тотъ *Монталманъ* . . . вы, коимъ она низвер-

звержена во гробЪ! *Монталман* (ибо ето былЪ онЪ вЪ самомЪ дѣлѣ) лежалЪ повержен безЪ чувствЪ и памяти по сторону *Розалїи* и не слыхалЪ того, что ему священникЪ говорилЪ; на конецЪ *Розалїя* тяжко воздохнувЪ, отверзла очи свои, вскрикнула отЪ ужаса, видя подлѣ себя незнакомаго, устремила на него взорЪ свой, узнала, сЪ востворгомЪ произнесла его имя и опять умолкла.

ГласЪ дѣвицы *Домервалъ* возбуждаетЪ *Монталмана* отЪ его безпамятства: — ето вы! ето вы, возлюбленная моя *Розалїя*! и вЪ какомЪ состоянїи? вЪ готовности со мною на вѣки разлучиться; — хвала творцу низпославшему мнѣ вожделѣнную отраду; я тебя увидѣла, и не сЪ толикимЪ уже сокрушенїемЪ разстаюсь сЪ моею жизнїю ... но женатЪ ли ты? и другая ... вотЪ твой сынЪ (*Монталманъ* сЪ начала его не примѣтилЪ) потомЪ вскричалЪ вЪ восторгѣ: — ето мой сынЪ! — пускай онЪ приводитЪ тебѣ на память мать свою ... ахЪ мое любезное дитя, подхватилЪ онЪ, прижимая его кЪ сердцу и цѣлуя сЪ восхищенїемЪ ... дражайшая *Розалїя* ... мать

моя

моя скончалась, . . я ни отъ кого теперь болѣе не завишу . . . ты была всегда единственнымъ предметомъ моей любви; я прiѣхалъ отвратить твои злоключенiя, которыя суть безъ сомнѣнiя собственныя мои, пришолъ предложить тебѣ щастiе мое руку и мое сердце, въ коемъ ты безисходно пребывала и будешь вѣчно пребывать; такъ, ты паки обрѣтаешь своего любовника, своего супруга и отца сего прелестнаго созданiя, которой священнѣйшимъ соединитъ насъ узломъ . . . встань дражайшая и пойдемъ ко олтарю . . . — ты еще любишь меня! и я буду твоею женою! и сему нещастному возвращается отецъ! сiи токмо лишь слова могла произнести дѣвица *Домерваль* и еще примолвила, указывая на *Фременвилля*, ты видишь сего украшеннаго сѣдинами мужа, почитай въ немъ образъ благотворительности; его то помощiю до сего часа была подкрѣпляема моя и твоего сына бѣдственная жизнь; я ему единому всѣмъ одолжена.

Священникъ не преставая воздѣвалъ къ небесамъ руки свои и возносилъ

носилъ хвалу творцу, чудяся толь незапному произшествію. По томъ сказалъ *Монталману*, государь мой, намъ не должно забывать, что умирающей потребна скорая помощь; *Монталманъ* тотчасъ вынулъ кошелекъ съ золотомъ и вручивши оный священнику, сказалъ, батюшка; вы будете и моимъ такъ же благодѣтелемъ, удостойте насъ продолженіемъ вашихъ милостей; надлежитъ позвать лѣкарей; употребимъ все на свѣтѣ, чтобъ соблюсти животъ, которой во сто кратъ дороже моего собственнаго; ахъ! *Розалія*! *Розалія*! я непрестанно тебя обожалъ; ты узнаешь . . . не тревожте ее, сказалъ *Фременвиль*; но лучше станемъ стараться о томъ, что намъ всего теперь нужнѣе; потщимся возвратить ей жизнь.

Достойнѣйшій пастырь прилагалъ всевозможное стараніе, сыскалъ и привелъ съ собою лѣкарей, которые употребили всѣ способы своего искуства. *Розалія* здѣлала тутъ усиліе выше естественное и пала опять въ крайнее изнеможеніе; *Монталманъ* стоя подлѣ ея, держалъ ея

руки

руки и обливалъ ихъ слезами; какой страшной былъ для него приговоръ. Когда сказали ему, что состоянiе *Розалiи* было безнадежно, с нимъ словомъ, что она умретъ непремѣнно. *Фременвиль* хотѣлъ *Монталмана* вывести вонъ изъ комнаты. — Нѣтъ, говорилъ онъ, я приму послѣднее ея дыханiе; я умру и буду погребенъ съ нею; мы больше не разстанемся. Ахъ! матушка, вотъ слѣдствiе строгости твоей! въ то самое время, когда я спѣшилъ упасть къ ея ногамъ, желалъ быть ея супругомъ и навѣки съ нею соединиться . . . о! возлюбленное дитя . . . ты теряешь свою мать! а я, я теряю жену, и все что ни любилъ . . . такъ, все что ни любилъ.

Онъ ходилъ и метался въ изступленiи отъ печали, колеблемъ бывъ ужаснѣйшимъ отчаянiемъ, обращался многократно къ постелѣ и вопрошалъ ежечасно лѣкарей, которые не скрывали отъ него угрожающаго пораженiя. Между тѣмъ *Фременвилъ* старался удержать его въ объятiяхъ своихъ и бесѣдовалъ съ нимъ о Богѣ. Въ сiе то страшное мгновенiе познаемъ

емъ мы ужасную тщету всего, что насъ ни окружаетъ и слабость утѣшеній міра сего. О! вѣра истинная душъ нашихъ отрада! ты единая въ напастяхъ намъ защита и покровъ! когда бы не ты насъ подкрѣпляла, то что бы намъ помогъ суетной нашъ разумъ.

Монталманъ ничего не ожидалъ болѣе, какъ только *Розалїиной* смерти и хотѣлъ самъ съ нею окончить дни свои; *Френенвиль* былъ не въ лучшемъ состоянїи. Между тѣмъ молодой человѣкъ услышалъ сїи изскочившїя изъ устъ лѣкарскихъ слова: не отчаевайтесь, природа можетъ еще учинить переломъ; такъ еще есть надежда, вскричалъ отягченный бременемъ печали *Монталманъ*, которой, вырвавшись изъ рукъ *Френенвиля*, кинулся тотъ часъ къ постели *Розалїиной*: — она будетъ жива! она будетъ жива! въ самомъ дѣлѣ ему подали нѣкоторую надежду. Тогда не возможно было изобразить ево восхищенїй; возмите, говорилъ онъ лѣкарямъ, возмите и раздѣлите мое щастїе и жизнь, лишь бы она была мнѣ возвращена.

Наконецъ небеса произвели чудо во угожденіе испытанной любви; *Розалія* стала внѣ опасности, *Фременвилъ* и *Монталманъ* ее не покидали; едва она пришла въ то состояніе, что могла слушать, какъ *Монталманъ* предпріялъ тотъ часъ оправдаться предъ нею: — Нѣтъ возлюбленная моя *Розалія*, нѣтъ, *Монталманъ* предъ тобою не виновенъ и ты могла ли въ томъ усумниться? припомни мои обѣщанія и всѣ мои клятвы; я горѣлъ желаніемъ оныя исполнить и наречь тебя моею супругою; но мать моя нѣкогда спросила о тебѣ; я по многимъ ничего не значущимъ отвѣтамъ повергся къ ея ногамъ и открылъ ей мое сердце; повѣдалъ ей всю страсть мою и сильнѣйшую любовь тобою вдохновенную и что я желаю не терпѣливо запечатлѣть оную священнымъ и непрерывнѣйшимъ союзомъ. Она ничего мнѣ на сіе не отвѣтствовала; но на слѣдующій день повелѣла мнѣ слѣдовать за собою и тѣмъ отняла у меня всю свободу. Сверьхъ того при отъѣздѣ нашемъ принудила меня написать къ тебѣ писмо совсѣмъ противное моимъ

чув-

чувствамъ. По прибытіи нашемъ въ *Руанъ*, мать моя начавъ меня жестоко укорять представляла мнѣ неравенство нашего щастія; я не могши болѣе скрывать, съ запальчивостію вскричалъ: какъ, сударыня! могутъ ли сокровища равнятся съ услажденіемъ любви? ахъ! матушка, взыскать и облагодѣтельствовать любимую особу, есть утѣшеніе сердцамъ нашимъ сроднѣйшее и всѣхъ прочихъ превосходнѣйшее; или вы хотите лишить меня сего толь сладчайшаго удовольствія? дѣвица *Домервалъ* не имѣетъ ли прелестей и добродѣтелей? что можетъ сравниться съ сими сокровищами; вотъ истинное достояніе и прямое блаженство. И такъ вѣдайте, (ибо мнѣ безполезно притворяться) что я во вѣки не буду имѣть другой супруги, опричь моей божественной *Розаліи* и ни когда кромѣ ее, ни ково любить не стану. Такимъ образомъ увѣрившись, что не употребя жестокихъ способовъ, не возможно ей преодолѣть и истребить во мнѣ толь сильной страсти, заперла меня въ нѣкоторой родѣ темницы, гдѣ будучи снѣдаемъ тоскою и любовью

бовью и лишенъ книгъ и бумаги находился во всесовершенной не возможности ни объ тебѣ извѣстится, ни объ себѣ увѣдомить. Между тѣмъ отъ времени до времени меня посѣщали и спрашивали, въ тѣхъ же ли я всегда нахожусь мысляхъ. Я отвѣтствовалъ имъ, что я люблю еще больше нежели когда нибудь, что сїя толь сердцу моему угодная любовь и во гробъ со мною снидетъ.

Въ одно время пришли въ мою комнату, стали угрожать меня, что естьли я не напишу другова писма, которое ты конечно получила, то прострется и до тебя мщенїе, котораго я былъ жертвою. Я тотчасъ написалъ сїе письмо, противъ коего весь духъ мой волновался; однакоже въ моихъ напастяхъ надежда меня утѣшала. Я повторялъ непрестанно, что *Розалїя* по времени всю истинну узнаетъ; она узнаетъ, что я не переставалъ ее боготворить; я освящу торжественнымъ союзомъ сїю любовь, которая не прежде во мнѣ угаснетъ, какъ съ моею жизнїю. Никогда, нѣтъ, никогда не могъ я произнесть, что я

 изтре-

изтреблю сїе чистѣйшую непорочную и толико гонимую горячность. Всегда остается нѣкоторое утѣшенїе сердцамъ умѣющимъ любить; бывали иногда минуты, въ кои сносилъ я мои напасти со сладостїю и говорилъ самъ въ себѣ, что ето я сношу для *Розалїи*. Ты была единственый предмѣтъ, которой наполнялъ мою душу и твой образъ сопребывалъ со мною въ моемъ заключенїи; мои слезы и мои стенанїя относились къ тебѣ и мнѣ казалось, что ты была чувствительна . . . Кончина матери моей здѣлала меня свободнымъ покориться моей склонности, моей должности и исполнить всѣ мои обѣты . . . я поспѣшалъ къ тебѣ. Такъ, мы будемъ соединены; но сїя минута медлѣнно приходитъ и я не могу довольно скоро наречь тебя моей супругою. Дражайшая супруга наимянуй моего сына . . . сей почтенный старецъ, обратясь къ *Фременвилю*, будетъ навсегда другомъ и нашимъ отцемъ; мое теперешнее состоянїе доставляетъ мнѣ случай оказать нѣкоторые слабые знаки твоей и моей купно признательности. Ахъ! чемъ я ему не долженъ?

Дѣвица

Дѣвица *Домерваль* достигла верху своего блаженства; она обрѣла *Монталмана*, которой нетолько не былъ виновенъ, но показалъ въ себѣ примѣръ нѣжности и постоянства. Она расказала ему съ своей стороны все, что не претерпѣла съ той пагубной минуты, въ которую они разстались. *Монталманъ* не преставалъ сжимать въ объятїяхъ своего сына; они забывали всѣ свои злоключенїя и ничего болѣе не усматривали, кромѣ прїятности настоящаго и веселїемъ исполненнаго будущаго времени; одно лишь сердце можетъ ощущать сладость радостнаго упоенїя сея щастливыя четы.

Розалїя съ востановленїемъ своего здоровья получила всю красоту и прелести свои. Послѣ чего вскорѣ и бракъ ихъ совершился, которой былъ сопровождаемъ великолѣпїемъ, какого только можно было ожидать отъ богатаго жениха. *Фременвиль* имѣлъ удовольствїе соединить бракомъ сихъ двухъ супруговъ. Они остались нѣсколько времени въ городѣ, потомъ отправились въ Парижъ и тамъ жилище свое основали. Они на-

намѣревались взять туда съ собою и священника; но онъ, будучи привязанъ къ должности, не хотѣлъ оставить своего прихода. *Монталманъ* просилъ его принять нѣкоторый доходъ, отъ коего сей истинно добродѣтельный мужъ не имѣлъ непристойной гордѣливости отречся. Я пріемлю, говорилъ онъ *Розаліи*, сіи знаки дружества единственно въ ваше угожденіе; они тѣмъ для меня будутъ чувствительнѣе, что я буду въ состояніи изливать благодѣянія, кои будутъ ваши собственныя; вы не что иное здѣлали, какъ только избрали мою руку къ расточенію оныхъ.

Небо благословило плодомъ сей союзъ и сія любезная чета имѣла чадъ достойнѣйшихъ родителей своихъ. Госпожа *Монталманъ* ежегодно пріѣзжала къ *Фременвилю* и дѣлала щедрое подаяніе бѣднымъ. — Почтенный мой и любезный другъ, говаривала она, я помогаю въ нихъ нещастнѣйшей *Розаліи*; они воспоминаютъ мнѣ образъ, которой я не только не стараюсь истребить, но ежечасно его возобновляю; ахъ! естьли избы-

избытокъ когда нибудь ожесточитъ мое сердце . . . но могу ли я опасаться таковой перемѣны? о! мой другъ! представь тогда глазамъ моимъ изображенїе моей бѣдности. Позорище напастей приводитъ всегда людей къ чувствительности.

18.226. 3.33